

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

СМЕРТНИЦЫ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Тесс Герритсен Смертницы

Tess Gerritsen
VANISH

© И. Литвинова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

И снова Джекобу

Благодарности

Глубокая благодарность моей путеводной звезде и литературному агенту Мег Рули, а также Джейн Берки и Дону Клири из Агентства Джейн Ротрозен, Линде Марроу и Джине Сентрелло из издательства «Баллантайн букс» и Селине Уокер из издательства «Трансуорлд». Всем вам я обязана тем, что роман появился на свет.

1

Меня зовут Мила, а вот моя история.

Этот рассказ можно было бы начать с чего угодно. Скажем, с поселка Кривичи Мядельского района, что на берегу реки Сервечь, где я выросла. Можно начать с того дня, когда умерла моя мама, мне тогда было восемь. Или с того, как в двенадцать лет я потеряла отца: он погиб под колесами соседского грузовика. Но пожалуй, я начну свой рассказ вот с чего – с мексиканской пустыни, куда меня занесло из далекой родной Белоруссии. Здесь я потеряла невинность. И здесь умерли мои мечты.

Безоблачный ноябрьский день, большие черные птицы кружат высоко в небе. Такого голубого неба я еще никогда не видела. Мы едем в белом фургоне с двумя мужчинами, которые не знают моего настоящего имени, и, похоже, их это совершенно не смущает. Они просто гогочут и называют меня Рыжей Соней. Почему-то они именно так окрестили меня, впервые увидев в аэропорту Мехико. Аня говорит, что это из-за моих волос. «Рыжая Соня» – есть такой фильм, но я его не видела, а Аня видела. Она шепотом объясняет мне, что фильм этот про красивую женщину-воительницу, которая разит мечом своих врагов. Теперь мне кажется, что мужчины придумали это прозвище в насмешку, потому что я вовсе не красавица; и уж тем более не воительница. Мне всего семнадцать, и я страшно напугана – ведь я не знаю, что будет дальше.

Мы держимся за руки, Аня и я, а фургон везет нас и еще пять девчонок по бесплодной пустыне. «Туристическая поездка по Мексике» – вот что обещала та женщина в Минске, но мы понимали истинный смысл ее слов: спасение. Счастливый случай.

– Вы летите самолетом до Мехико, – объясняла женщина-организатор, – в аэропорту вас встретят и помогут перебраться через границу, где для вас откроется новая жизнь. Чего здесь хорошего? Ни нормальной работы для девушек, ни жилья, ни

достойных мужчин. У вас нет родителей, которые могли бы поддержать вас. А вы, Мила, – обратилась она ко мне, – вы так хорошо говорите по-английски. В Америке вы приспособитесь только так. – Она щелкнула пальцами. – Смелее! Не упускайте свой шанс. Работодатели оплатят вам дорогу, чего ж вам еще надо?

«Только не этого», – думаю я, с тоской вглядываясь в бесконечные пески за окном. Аня крепче прижимается ко мне, остальные девчонки тоже сидят тихо. Каждая из нас задает себе вопрос: «Что я наделала?»

Все утро мы провели в дороге. Двое мужчин, сидящих впереди, не разговаривают с нами, но тот, что на пассажирском сиденье, постоянно оборачивается и оглядывает нас. Его глаза все время ищут Аню, и мне не нравится, как он пялится на нее. Аня этого не замечает, потому что дремлет у меня на плече. Мышка – так мы звали ее в школе, потому что она очень стеснительная. Вспыхивает от одного лишь взгляда мальчишки. Мы с ней ровесницы, но, глядя на личико спящей Ани, я вижу ребенка. И думаю: мне не следовало брать ее с собой. Нужно было уговорить ее остаться в Кривичах.

Наконец фургон сворачивает с автострады на грунтовую дорогу. Остальные девчонки бодрствуют, уставившись в окна на бурые холмы, по склонам которых, словно старые кости, разбросаны валуны. У нас в поселке уже выпал первый снег, а здесь, в этом бесснежном краю, только пыль, голубое небо да сухой колючий кустарник. Мы останавливаемся, и мужчины оборачиваются к нам.

– Пора выходить, – говорит водитель по-русски. – Дальше пешком. Иначе границу не перейти.

Они отодвигают дверь фургона, и мы выходим одна за другой, семь девчонок, потягиваясь и разминая затекшие после долгой дороги мышцы. Несмотря на яркое солнце, здесь прохладно, гораздо холоднее, чем я думала. Аня тоже дрожит; ее ладонь скользнула в мою.

– Сюда, – командует водитель и увлекает нас в сторону от грунтовой дороги, на тропинку, бегущую вверх по холму.

Мы пробираемся через валуны и колючие кустарники, которые впиваются нам в ноги. Аня в открытых сандалиях, и ей приходится часто останавливаться, вытряхивая острые камешки. Мы все изнываем от жажды, но проводники разрешают нам сделать только одну остановку, чтобы попить воды. После чего мы вновь карабкаемся вверх по каменистой тропе, словно неуклюжие козы. Мы достигаем вершины холма и начинаем спуск, держа курс на заросли деревьев. Только у подножия холма мы замечаем, что перед нами русло пересохшей реки. Берег усеян мусором, оставленным нашими предшественниками: пластиковые бутылки, грязный памперс, старый ботинок с виниловым покрытием, растрескавшимся на солнце. С ветки свисает лоскут синего брезента. Как много мечтателей прошло этим путем, и вот теперь еще семеро идут в Америку по их следам. Мои страхи вдруг рассеиваются, потому что здесь, среди куч мусора, мне становится ясно, что цель близка.

Мужчины указывают нам путь вперед, и мы взбираемся на противоположный берег.

Аня тянет меня за руку.

– Мила, я больше не могу идти, – шепчет она.

– Ты должна.

– Но у меня на ноге кровь!

Я смотрю на ее израненные пальцы и кричу проводникам:

– Моя подруга поранила ногу!

– Мне плевать, – отвечает водитель. – Продолжайте идти.

– Мы не можем. Ей нужно перевязать ногу.

– Либо вы идете, либо мы оставляем вас здесь.

– Дайте ей хотя бы переобуться!

Мужчина оборачивается. Его лицо мгновенно меняется. Взглянув на него, Аня испуганно отступает назад. Остальные девочки, словно затравленные овцы, сбиваются в кучку и с замиранием следят за тем, как он направляется ко мне.

Удар обрушивается так быстро, что я даже не успеваю среагировать. Я вдруг оказываюсь на коленях и на несколько секунд

погружаюсь в кромешную тьму. Откуда-то издалека доносятся крики Ани. Потом я чувствую боль, пульсирующую в скуле. Во рту привкус крови. Я вижу, как она капает на речные камни.

– Вставай! Давай же, поднимайся. Мы и так потеряли кучу времени.

Пошатываясь, я встаю на ноги. Аня смотрит на меня широко раскрытыми от ужаса глазами.

– Мила, не спорь! – шепчет она. – Нужно делать то, что они говорят! У меня уже не болят ноги, правда. Я могу идти.

– Теперь до тебя дошло? – говорит мне мужчина. Он оборачивается и бросает свирепый взгляд на девчонок. – Видите, что бывает, если разозлить меня, возразить мне? А теперь пошли!

Девчонки с трудом пересекают русло пересохшей реки. Аня хватает меня за руку и тащит за собой. Я слишком слаба, чтобы сопротивляться, поэтому плетусь за ней, сглатывая кровь, не разбирая дороги.

Остается преодолеть совсем немного. Мы оказываемся на другом берегу, вновь пробираемся через заросли деревьев, и вдруг перед нами открывается грунтовая дорога.

У обочины нас ждут два фургона.

– Выстраивайтесь в шеренгу! – командует водитель. – Давайте поторапливайтесь. На вас хотят посмотреть.

Сбитые с толку его приказом, мы выстраиваемся в шеренгу – семь усталых девчонок с ноющими ногами и в пыльной одежде.

Из фургонов вылезают четверо мужчин и приветствуют нашего водителя по-английски. Они американцы. Один из них, в бейсболке, самый крупный, медленно проходится вдоль шеренги, оглядывая нас. Он похож на обожженного солнцем фермера, инспектирующего своих коров. Американец останавливается передо мной и хмурится, вглядываясь в мое лицо.

– Что с этой?

– Дерзит, – объясняет наш водитель. – Это просто синяк.

– И все равно она какая-то дохлая. Кто ее захочет?

Знает ли он, что я понимаю английский? Или ему все равно? Может, я и дохлая, думаю я, зато у тебя пороссячья морда.

Его взгляд уже двинулся дальше, к другим девчонкам.

– Хорошо, – говорит он, и на его лице появляется ухмылка. – Посмотрим, что там у них.

Водитель смотрит на нас.

– Раздевайтесь, – приказывает он по-русски.

Мы потрясенно глядим на него. До этого момента во мне еще теплилась надежда на то, что женщина в Минске говорила правду и в Америке нас ждет работа. Что Аня будет нянчить трех маленьких девочек, а я стану продавщицей в магазине свадебного платья. Даже после того как водитель отобрал у нас паспорта, даже после того как мы, спотыкаясь, прошли весь этот путь, я по-прежнему верила: «Все наладится. Все еще может оказаться правдой».

Никто из нас даже не двинулся. Мы все еще не можем поверить в приказание, которое только что прозвучало.

– Вы что, не слышите меня?! – рявкает водитель. – Хотите выглядеть как она? – Он тычет в мое разбитое лицо, которое до сих пор ноет от удара. – Делайте, что я сказал!

Одна из девочек потрясла головой и заплакала. Это приводит его в ярость. От его пощечины девушка покачнулась, голова ее дернулась. Водитель хватает девчонку за блузку и разрывает ее. Она с криками отбивается от него. Второй удар опрокидывает ее на четвереньки. Для пущей убедительности он с силой бьет ее ботинком по ребрам.

– Ну? – Он оборачивается к остальным. – Кто хочет быть следующей?

Одна из девушек начинает судорожно расстегивать блузку. Следом за ней мы все послушно стягиваем рубашки, расстегиваем юбки и брюки. Даже Аня, стеснительная Анечка, послушно задирает топ.

– Все! – приказывает наш водитель. – Снимайте все! Что вы копаетесь, суки? Ну ничего, скоро научитесь делать это быстро.

Он приближается к девушке, которая стоит, скрестив на груди руки. Она не сняла нижнее белье. Девушка морщится, когда он хватает ее за боду и срывает его.

Четверо американцев окружают нас, словно голодные волки, их взгляды жадно впиваются в наши тела. Аня дрожит так сильно, что слышно, как стучат ее зубы.

– Вот эту я, пожалуй, обкатаю.

Одна из девушек всхлипывает, когда ее выдергивают из шеренги. Мужчина даже не пытается скрыть свои намерения. Он прижимает девушку лицом к одному из фургонов, расстегивает ширинку и насилует ее. Она кричит.

Другие мужчины тоже делают свой выбор. Аню вдруг оттаскивают от меня. Я пытаюсь удержать ее, но водитель заламывает мне руку.

– Ты никому не нужна, – говорит он. После чего запихивает меня в фургон и запирает.

Из окна я вижу все, слышу все. Хохот мужчин, отчаянную борьбу девушек, их крики. Невыносимо смотреть на это, но и отвернуться невозможно.

– Мила! – кричит Аня. – Мила, помоги мне!

Я бросаюсь к запертой двери, отчаянно пытаюсь выбраться. Мужчина уже опрокинул ее на землю и силой раздвинул бедра. Она лежит, прижатая к земле, крепко зажмурившись от боли. Я тоже кричу, стучу кулаками в окно, но выбраться не могу.

Когда мужчина отрывается от нее, я вижу на нем ее кровь. Он застегивает брюки и громко объявляет:

– Замечательно! Просто замечательно.

Я смотрю на Аню. Поначалу она кажется мне мертвой, потому что она не двигается. Мужчина даже не обернулся к ней, он лезет в рюкзак за бутылкой воды. Жадно глотает. Он не видит, как Аня возвращается к жизни.

Внезапно она вскакивает на ноги. И бросается бежать.

Она несется через пески, а я прижимаю руки к стеклу, чтобы лучше видеть. «Беги, Аня! Беги. Беги!»

– Эй! – орет один из мужчин. – Вон та убежала.

Аня по-прежнему мчится. Она босиком, голая, и острые камни наверняка врезаются в ее ступни. Но впереди лишь открытая пустыня, и она движется решительно.

«Не оглядывайся. Не останавливайся! Беги...»

От выстрела у меня стынет кровь в жилах.

Аня покачнулась и упала на землю. Но она не собирается сдаваться. Она пытается подняться, шатаясь, словно пьяная, делает несколько шагов, потом падает на колени. Теперь она передвигается ползком, каждый сантиметр для нее – это борьба, победа. Она приподнимается, будто пытается ухватиться за руку невидимого для нас спасителя.

Раздается второй выстрел.

На этот раз Аня падает и уже больше не поднимается.

Водитель фургона затыкает пистолет за пояс и смотрит на девушек. Они плачут, съежившись и с ужасом глядя туда, где лежит тело Ани.

– Это издержки, – говорит мужчина, который насильствовал Аню.

– Гнаться за ними слишком много возни, – соглашается водитель. – Можете выбирать из шести оставшихся.

Товар проверен, теперь мужчины начинают торговаться. Договорившись, они делят нас, как стадо. По три девушки в каждый фургон. Я не слышу, какую цену за нас заплатили; знаю только то, что я – товар, купленный по дешевке, довесок к основной сделке.

Когда мы отъезжаем, я оглядываюсь назад, туда, где осталось тело Ани. Ее даже не потрудились похоронить; она лежит, открытая солнцу и ветрам, и голодные стервятники уже кружат над ней. Пройдет несколько недель, и от нее не останется и следа. Она исчезнет – так же, как исчезну я в этой стране, где никто не знает моего имени. В Америке.

Мы выезжаем на автостраду. Я вижу указатель: «US 94».

2

За целый день Маура так и не глотнула свежего воздуха. С семи утра она дышала смертью и так свыклась с этим ароматом, что даже не морщилась, когда ее нож вспарывал холодную плоть, заставляя обнаженные органы источать запах разложения. Офицеры полиции, присутствуя на вскрытиях, не проявляли такой стойкости. Иногда Маура улавливала аромат ментоловой мази, которой они обрабатывали носы, чтобы защититься от зловония. Некоторых не спасал даже ментол, и время от времени кто-нибудь из присутствовавших, пошатываясь, уходил от секционного стола и склонялся над умывальником. Копы, в отличие от нее, не привыкли к остропахнущему и вязкому формалину и сернистому аромату разлагающихся тканей.

Сегодня к обычному букету запахов добавилась совершенно неуместная сладковатая нотка: аромат кокосового масла, который источала кожа Глории Ледер, как раз сейчас лежащей на секционном столе. Пятидесятилетняя дама, разведенная, с широкими бедрами, пышной грудью и перламутрово-розовым педикюром. Контуры купальника, в котором женщину нашли мертвой у бассейна возле ее дома, подчеркивали темные линии глубокого загара. Бикини – не совсем удачный выбор для увядающего тела. «Когда я в последний раз надевала купальник?» – подумала Маура, и в ней вдруг шевельнулась совершенно неуместная зависть по отношению к Глории Ледер, которая в последние мгновения своей жизни наслаждалась солнечными ваннами. Август не за горами, а Маура так ни разу и не выбралась ни на пляж, ни в бассейн, да что там говорить – даже не позагорала на лужайке во дворе своего дома.

– Ром с колой, – произнес молодой коп, стоявший у изножья стола. – Думаю, эта смесь была у нее в стакане. Он стоял рядом с шезлонгом.

Маура впервые видела у себя в морге офицера Бушанана. Он нервировал ее тем, что постоянно тербил свою бумажную маску и переминался с ноги на ногу. Мальчишка выглядел слишком молодо для полицейского. Теперь все полицейские казались ей чересчур молодыми.

– Вы сохранили содержимое ее стакана? – спросила она офицера Бушанана.

– Мм... нет, мэ. Зато понюхал. Она определенно пила ром с колой.

– В девять утра? – Маура взглянула на своего ассистента Йошиму, который стоял напротив. Он, как всегда, хранил молчание, но она увидела, как поползла вверх его темная бровь – красноречивый комментарий, которого только и можно было добиться от Йошимы.

– Она выпила немного, – заявил офицер Бушанан. – Стакан был почти полон.

– Хорошо, – сдалась Маура. – Давайте-ка посмотрим на ее спину. Йошима помог ей перевернуть тело на бок.

– Тут на бедре татуировка, – заметила Маура. – Маленькая синяя бабочка.

– С ума сойти! – воскликнул Бушанан. – В ее-то возрасте?!

Маура подняла взгляд:

– Вы думаете, пятьдесят уже глубокая старость, так, что ли?

– Я просто хотел сказать... ну, моей маме столько же.

«Поаккуратней, мальчик. Я всего лишь на десять лет моложе».

Она взяла нож и начала резать. Сегодня это было уже пятое вскрытие, и она работала быстро. Так совпало, что доктор Костас ушел в отпуск, а накануне ночью произошла автокатастрофа с большим количеством жертв, и уже с утра морозильная комната была набита мешками с трупами. Мауре удалось частично разобраться с этим, но в течение дня в морг доставили еще два трупа. Им предстояло ждать до завтра. Персонал морга уже разошелся, да и Йошима то и дело поглядывал на часы, явно торопясь домой.

Она надрезала кожу, вскрыла грудную клетку и брюшную полость. Извлекла влажные внутренние органы и выложила их на препаровочный столик для иссечения. Потихоньку Глория Ледер начала раскрывать свои секреты: заплывшая жиром печень – признак злоупотребления ромом и колой. Узловатая матка с фиброзной опухолью.

Когда они вскрыли череп, наконец прояснилась причина смерти. Маура увидела ее сразу, как только мозг оказался в ее облаченных в перчатки руках.

– Субарахноидальное кровоизлияние, – констатировала она и взглянула на Бушанана. Он был заметно бледнее, чем в самом начале вскрытия. – Возможно, у этой женщины была мешковидная аневризма – слабое место в одной из артерий у основания мозга. Гипертония усугубила это состояние.

Бушанан сглотнул, уставившись на лоскут кожи, некогда обтягивавший череп Глории Ледер, а теперь отделенный от него и откинутый на лицо. Эта часть вскрытия, когда лицо превращалось в съежившуюся резиновую маску, обычно приводила в ужас слабонервных – многие морщились или попросту отворачивались.

– То есть... вы считаете, она умерла естественной смертью? – тихо спросил он.

– Совершенно верно. Больше мы с вами здесь ничего не увидим.

Пятясь от стола, молодой человек уже начал развязывать свой халат.

– Пожалуй, мне лучше выйти на воздух...

«Мне бы тоже не мешало, – подумала Маура. – Летний вечер, пора сад поливать, а я весь день торчу в этом помещении».

Но спустя час она все еще сидела в здании бюро судмедэкспертизы, просматривая у себя в кабинете предметные стекла и расшифровки записанных на диктофон отчетов. Хотя она переделалась, от нее по-прежнему пахло моргом, и против этого запаха были бессильны любые количества мыла и воды, потому что

его хранила память. Она включила диктофон и начала записывать отчет о вскрытии Глории Ледер.

– Пятидесятилетняя белая женщина, найдена мертвой в шезлонге у бассейна возле своего дома. Женщина развитая, нормального телосложения, без видимых травм. Внешним осмотром выявлен старый хирургический шрам на животе, возможно оставшийся после удаления аппендикса. Имеется маленькая татуировка в форме бабочки на... – Она замолчала, мысленно представляя себе татуировку. На каком она была бедре – на левом или на правом?

«Господи, я так устала, – подумала она. – Не могу вспомнить». Такая пустяковая деталь никоим образом не влияла на выводы, но Маура терпеть не могла неточностей в работе.

Она встала из-за стола и прошла по пустынному коридору к лестнице. Ее шаги гулко застучали по бетонным ступеням. Войдя в секционный зал, она включила свет и увидела, что Йошима, как всегда, оставил помещение в безукоризненном порядке – тщательно протертые, блистающие чистотой столы и свежeweымытый пол. Она прошла к морозильной камере и открыла тяжелую дверь. Из-за нее вырвались клубы холодного воздуха. Она сделала глубокий вдох, словно собираясь нырнуть в сточную воду, и вошла внутрь.

Восемь тележек были заняты; бóльшую часть трупов в скором времени заберут похоронные агентства. Она медленно двигалась вдоль ряда, проверяя таблички с именами, пока не нашла труп Глории Ледер. Она расстегнула мешок, просунула руки под ягодицы и перевалила тело на бок, чтобы рассмотреть татуировку.

Бабочка была на левом бедре.

Она застегнула мешок и уже собиралась закрыть за собой дверь, когда вдруг застыла на месте. Обернувшись, она устремила взгляд в морозильную камеру.

«Я что-то слышала или мне показалось?»

Включился вентилятор, нагоняя своими лопастями холодный воздух. Да, в нем все дело, подумала она. Это вентилятор. Или

компрессор холодильника. Или вода журчит в трубах. Пора домой. Она так устала, что ей уже мерещится всякое.

И она вновь собралась закрыть дверь.

И вновь застыла. Обернувшись, уставилась на каталки с мешками. Теперь ее сердце так колотилось, что она слышала только этот стук.

«Там что-то шевелится. Я уверена».

Она расстегнула первый мешок и увидела труп мужчины с зашитой грудной клеткой. Уже исследованный, подумала она. Определенно мертвый.

«Откуда? Откуда исходил шум?»

Она раскрыла следующий мешок и увидела изуродованное лицо, проломленный череп. Мертвый.

Трясущимися руками она расстегнула третий мешок. Пластиковые половинки разъехались, и Маура увидела бледное лицо молодой женщины с черными волосами и синюшными губами. Расстегнув молнию до конца, она обнажила мокрую блузку – материя прилипла к белому телу, кожа блестела каплями ледяной воды. Распахнув блузку, она увидела полные груди и тонкую талию. Тело было нетронутым, к нему еще не прикасался скальпель патологоанатома. Пальцы рук и ног были фиолетовыми, предплечья покрыты голубым мраморным узором.

Маура прижала пальцы к шее женщины и почувствовала, как холодна ее кожа. Нагнулась к самым губам, ожидая почувствовать слабое дыхание, ощутить едва заметное движение воздуха на своей щеке.

Труп открыл глаза.

Маура вздрогнула и отпрянула. Столкнулась с тележкой, стоявшей позади, и чуть не упала, когда та откатилась от нее. Обретя равновесие, она увидела, что глаза женщины по-прежнему открыты, но взгляд не сфокусирован. Синие губы двигались, складывая беззвучные слова.

«Вывези ее из холодильника! Согрей ее!»

Маура толкнула тележку вперед, но безуспешно: в панике она забыла разблокировать колеса. Она нагнулась, высвободила рычаг и снова толкнула тележку. На этот раз она покатилась, с грохотом перемещаясь из морозильной камеры в более теплую приемную морга.

Веки женщины снова сомкнулись. Наклонившись к ней, Маура не уловила никаких признаков дыхания. «О господи! Я не могу потерять тебя теперь!»

Она ничего не знала об этой женщине – ни имени, ни истории болезни. Незнакомка могла оказаться носителем целой кучи вирусов, но Маура все равно накрыла своими губами ее рот, едва не задохнувшись от привкуса холодной плоти. Трижды глубоко вдохнув и выдохнув, она прижала пальцы к шее, нащупывая каротидный пульс.

«Может, это моя выдумка? Может, я просто ощущаю пульсацию в своих пальцах?»

Она схватила трубку телефона, установленного на стене, и набрала 911.

– Оператор службы спасения.

– Это доктор Айлз из бюро судмедэкспертизы. Мне срочно нужна карета «скорой помощи». Здесь женщина с остановкой дыхания...

– Простите, вы сказали, бюро судмедэкспертизы?

– Да! Я нахожусь в задней части здания, со стороны приемного отделения. Это на Олбани-стрит, прямо напротив медицинского центра!

– Высылаю «скорую».

Маура повесила трубку. И вновь, преодолев отвращение, накрыла губами рот женщины. Еще три резких выдоха, и пальцы снова нащупали сонную артерию.

Пульс. Она определенно чувствовала пульс!

Вдруг Маура услышала хрип, кашель. Женщина задышала, в горле заклокотала слизь.

«Не уходи. Дыши, милая. Дыши!»

Громкая сирена возвестила о прибытии «скорой». Она распахнула задние двери и сощурилась от полыхающих огней машины, которая парковалась во дворе у погрузочной площадки. Из фургона выпрыгнули двое медиков с чемоданчиками.

– Она здесь! – крикнула Маура.

– Все еще не дышит?

– Нет, уже дышит. И я чувствую пульс.

Мужчины вбежали в помещение и замерли, уставившись на каталку с телом.

– Господи, – пробормотал один из них, – это что, мешок для трупа?

– Я нашла ее в холодильной камере, – объяснила Маура. – У нее уже, наверное, гипотермия.

– О боже! Такое только в страшном сне приснится!

В ход пошли кислородная маска и капельница. Тело женщины облепили датчики ЭКГ. По экрану монитора неспешно поползла синусоида сердечного ритма, похожая на след карандаша ленивого карикатуриста. У женщины билось сердце, она дышала, но при этом выглядела мертвой.

– А что с ней случилось? Как она сюда попала? – поинтересовался врач, перетягивая жгутом безвольную руку.

– Мне ничего не известно о ней, – ответила Маура. – Я пришла сюда проверить другой труп и услышала, как она шевелится.

– Мм... у вас часто такое бывает?

– Первый раз в моей практике, – сказала она, про себя понадеявшись, что этот первый раз окажется и последним.

– Долго она пролежала в холодильнике?

Маура посмотрела на табличку с информацией о доставке трупов и обнаружила, что неизвестную привезли в морг около полудня. «Восемь часов назад. Восемь часов в застегнутом мешке. Что, если бы она попала ко мне на стол? Что, если бы я начала резать ее грудь?» Маура пошарила в лотке входящей документации и отыскала конверт с бумагами незнакомки.

– Ее привезли спасатели из Уэймаута, – произнесла она. – Якобы она утонула...

– Эй, милая! – Не успел врач вставить иглу в вену, как пациентка вернулась к жизни, резко дернувшись на каталке. Игла выскочила, и из проколотой вены засочилась кровь.

– Черт, потерял вену. Помоги мне придержать ее!

– Похоже, девчонка сейчас встанет и пойдет домой.

– Она и впрямь сопротивляется. Я не могу подключить капельницу.

– Тогда давай переложим ее на носилки и увезем.

– Куда вы собираетесь ее везти? – спросила Маура.

– Да вон, напротив. В реанимацию. Если у вас есть какие-либо бумаги, им понадобится копия.

Она кивнула:

– Встретимся там.

Длинная очередь пациентов выстроилась у окошка регистратуры, и медсестра приемного покоя упорно не замечала попыток Мауры поймать ее взгляд. В эту беспокойную ночь только сломанная нога или обильное кровотечение помогли бы прорваться без очереди, но Маура, игнорируя возмущенные взгляды других пациентов, все-таки протиснулась к окошку. И постучала в стекло.

– В порядке очереди, – отрезала медсестра.

– Я доктор Айлз. Привезла документы на пациентку. Они понадобятся врачу.

– Что за пациентка?

– Женщина, которую только что доставили из дома напротив.

– Вы имеете в виду ту даму из морга?

Маура замолчала, внезапно осознав, что пациенты, стоявшие в очереди, слышат каждое слово.

– Да, – только и произнесла она.

– Тогда проходите. Они хотят поговорить с вами. У них там неприятности.

Замок с пищанием открылся, Маура толкнула дверь и вошла в лечебное отделение. Она сразу поняла, что имела в виду медсестра, говоря о проблемах. Незнакомку еще не переместили в палату, она так и лежала в коридоре, правда теперь накрытая термоодеялом. Два врача скорой помощи и медсестра отчаянно пытались умиротворить ее.

– Подтяни ремень!

– Черт... она опять вырвала руку...

– Оставь ты в покое кислородную маску! Она ей больше не нужна.

– Смотри за капельницей! Там сейчас игла выскочит!

Маура бросилась к каталке и схватила запястье пациентки, помешав ей вытащить внутривенный катетер. Длинные черные волосы хлестнули Мауру по лицу, когда женщина попыталась высвободиться. Всего двадцать минут назад незнакомка была синюшным трупом в пластиковом мешке. Сейчас врачи с трудом сдерживали ее возрождающуюся жизненную силу.

– Держите! Держите ее руку!

Из горла женщины вырвался звук, подобный стону раненого животного. Потом она запрокинула голову и издала дикий вопль. «Человек не может так кричать, – в ужасе подумала Маура. – Господи, кого я вернула к жизни?»

– Послушайте меня. Слушайте же! – скомандовала Маура. Она обхватила голову женщины руками и посмотрела в искаженное паникой лицо. – Я не дам вас в обиду. Обещаю. Вы должны позволить нам помочь.

Голос Мауры успокоил женщину, и она замерла. Голубые глаза в упор смотрели на доктора Айлз, и расширенные зрачки казались огромными черными лужами.

Одна из медсестер принялась затягивать смирительный ремень на запястье женщины.

«Нет, – подумала Маура. – Не надо этого делать».

Почувствовав прикосновение ремня, пациентка тут же отдернула руку, словно ошпаренная. Удар высвобожденной руки пришелся

прямо по щеке Мауры, она даже покачнулась.

– На помощь! – закричала медсестра. – Можете позвать сюда доктора Катлера?

Щека у Мауры пульсировала от боли; она отступила в сторону, когда доктор и еще одна медсестра выбежали из палаты. Суматоха привлекла внимание пациентов, ожидавших своей очереди в приемной. Маура видела, как они столпились у стеклянной перегородки, с интересом наблюдая сцену почище тех, что разыгрывались в нашумевшем телесериале «Скорая помощь».

– У нее есть аллергия на какие-нибудь препараты? – спросил доктор.

– Истории болезни нет, – ответила сестра.

– В чем дело? Почему она так реагирует?

– Понятия не имеем.

– Хорошо. Давайте попробуем ввести ей внутривенно пять миллиграммов галдола.

– Внутривенно не получается!

– Тогда вкалывайте внутримышечно. Вместе с валиумом, чтобы она себя не покалечила.

Женщина завопила, когда игла шприца вонзилась в ее кожу.

– Об этой женщине что-нибудь известно? Кто она? – Доктор наконец заметил Мауру, стоявшую в сторонке. – Вы родственница?

– Я вызывала неотложку. Я доктор Айлз.

– Вы ее лечащий врач?

– Она патологоанатом, – объяснил коллеге один из врачей скорой помощи, прежде чем Маура успела открыть рот. – А эта больная очнулась в морге.

Врач уставился на Мауру.

– Вы шутите.

– Я была в морозильной камере и заметила, что она шевелится, – сказала Маура.

Доктор удивленно усмехнулся:

– И кто признал ее мертвой?

– В морг ее доставили спасатели из Уэймаута.

Он перевел взгляд на пациентку.

– Ну сейчас-то она определенно живая.

– Доктор Катлер, освободилась вторая палата! – крикнула медсестра. – Можно везти ее туда.

Маура двинулась по коридору следом за каталкой, которую везли в палату. Пациентка заметно присмирела под воздействием галдола и валиума. Медсестры взяли у нее кровь и подсоединили датчики ЭКГ. На мониторе обозначился сердечный ритм.

– Итак, доктор Айлз, – произнес врач-реаниматолог, посветив фонариком в глаза пациентки. – Рассказывайте.

Маура открыла конверт с бумагами, сопровождавшими тело.

– Позвольте мне пересказать то, что написано в сопроводительных документах, – сказала она. – В восемь утра в спасательную службу Уэймаута поступил сигнал из яхт-клуба «Санрайз» о том, что в заливе Хингем лодочники обнаружили какой-то плывущий объект. Когда женщину достали из воды, она не дышала и пульс у нее не прощупывался. Личность утопленницы не установлена. На место был вызван следователь из полиции штата, который посчитал, что произошел несчастный случай. Ее доставили в наш морг около полудня.

– И в морге никто не заметил, что она жива?

– Ее доставили в тот момент, когда все были заняты другими трупами. Как раз произошла автокатастрофа на шоссе I 95. К тому же еще оставались неосмотренные трупы с прошлой ночи.

– Сейчас почти девять. За целый день так никто и не посмотрел эту женщину?

– Мертвым не нужна срочная помощь.

– Значит, они просто лежат в холодильнике?

– До тех пор, пока до них не дойдет очередь.

– А если бы вы не услышали, что она шевелится? – Врач повернулся к Мауре. – Она бы так и лежала там до утра?

Маура почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

– Да, – пришлось признать ей.

– Доктор Катлер, в реанимационном боксе есть свободная койка, – сообщила медсестра. – Вы хотите перевести ее туда?

Он кивнул.

– Мы не знаем, какие лекарства она принимала, поэтому я хочу понаблюдать за ней. – Он взглянул на пациентку. Глаза ее были закрыты, но губы продолжали шевелиться, словно она неслышно читала молитву. – Эта бедняжка однажды уже умерла. Постараемся, чтобы это не повторилось.

Пока Маура рылась в сумочке в поисках ключей, чтобы открыть дверь, в доме надрывался телефон. Когда она наконец вбежала в гостиную, звонки прекратились. Звонивший не оставил сообщения на автоответчике. Она заглянула в память определителя номера, но имя последнего абонента показалось ей незнакомым: Зоя Фосси. Может, ошиблись?

«Даже не буду морочить себе голову», – подумала она и направилась на кухню.

Теперь зазвонил ее сотовый. Она достала его из сумочки, и на дисплее увидела имя своего коллеги доктора Эйба Бристола.

– Здравствуй, Эйб.

– Маура, может, расскажешь, что там произошло сегодня вечером?

– Ты уже в курсе?

– Получил три звонка. Из двух газет – «Глоуб» и «Геральд» и с какого-то местного телеканала.

– И что говорят репортеры?

– Они все спрашивают про женщину, которая очнулась в морге. Говорят, ее доставили в реанимацию медцентра. Я понятия не имею, в чем дело.

– О господи! Откуда пресса-то узнала так быстро?

– Так это правда?

– Я собиралась позвонить тебе... – Она не договорила. В гостиной опять звонил телефон. – Послушай, мне звонят на городской. Можно, я перезвоню тебе, Эйб?

– Если обещаешь, что расскажешь все без утайки.

Она побежала в гостиную и схватила телефонную трубку.

– Доктор Айлз.

– Это Зоя Фосси, новости Шестого канала. Вы не могли бы прокомментировать...

– Сейчас почти десять, – отрезала Маура. – Вы звоните на домашний номер. Если хотите говорить со мной, вам придется позвонить мне в офис в рабочее время.

– Мы так понимаем, что сегодня вечером в морге очнулась женщина.

– Я не буду ничего комментировать.

– Источники утверждают, что и следователь из полиции штата, и спасатели из Уэймаута констатировали смерть. В вашем офисе кто-нибудь делал такие же заключения?

– Бюро судмедэкспертизы этим не занимается.

– Но женщина поступила в ваше учреждение, так ведь?

– У нас никто не занимается констатацией смерти.

– Вы хотите сказать, что это вина уэймаутской службы спасения и полиции штата? Как могла произойти такая ошибка? Как можно не заметить, что человек еще жив?

Маура повесила трубку.

Телефон тут же зазвонил снова. На дисплее высветился другой номер.

Она сняла трубку.

– Доктор Айлз.

– Это Дейв Роузен, Ассошиэйтед Пресс. Извините за беспокойство, но мы получили сообщение о том, что молодая женщина, доставленная в морг, очнулась. Это правда?

– Откуда вам все это известно? Вы уже не первый звоните.

– Боюсь, и не последний.

– И какой информацией вы располагаете?

– Нам известно, что сегодня днем ее доставили в морг спасатели из Уэймаута. Вы обнаружили, что она жива, и вызвали «скорую». Я уже говорил с персоналом больницы, они считают ее состояние тяжелым, но стабильным. Все верно?

– Да, но...

– Она действительно была в мешке для трупа, когда вы нашли ее? И он был застегнут на молнию?

– Вы пытаетесь слепить из этого сенсацию.

– А в вашем бюро кто-нибудь осматривает вновь прибывшие тела? Просто чтобы удостовериться, что это покойники?

– Утром я выступлю с заявлением. Спокойной ночи. – Она повесила трубку. И прежде чем успел прозвучать очередной звонок, отключила аппарат. Только это позволит ей хоть немного поспать. Уставившись на смолкший телефон, она подумала: «Откуда они так быстро все узнали, черт возьми?»

И тут же вспомнила о многочисленных свидетелях – администраторах, медсестрах, санитарях. О пациентах, наблюдавших за происходившим из холла. Любой из них мог схватиться за телефонную трубку. Один звонок – и слух полетел. Ничто не распространяется так быстро, как сплетни. «Завтрашний день будет сущей пыткой, и я должна быть готова к ней».

Эйбу она перезвонила с сотового.

– У нас неприятности, – сказала она.

– Я догадался.

– Не общайся с прессой. Я сама выступлю с заявлением. На ночь я отключила свой домашний телефон. Если я понадобится, звони на сотовый.

– Ты готова пройти через все это?

– А кому же еще расхлебывать? Ведь это я ее нашла.

– Маура, ты ведь знаешь, что это будет новостью национального масштаба.

– Мне уже звонили из Ассошиэйтед Пресс.

– О боже! Ты не говорила с ребятами из Управления общественной безопасности? Расследованием наверняка займутся они.

– Я им позвоню.

– Тебе помочь с заявлением для прессы?

– Мне нужно какое-то время, чтобы подготовиться. Завтра с утра я задержусь. Просто придержи их до моего прихода.

– На нас, наверное, заведут дело.

– Нас не в чем упрекнуть, Эйб. Мы не совершили ничего противозаконного.

– И все равно. Нужно подготовиться и к этому.

3

– Поклянитесь именем Господа, что показания, которые вы собираетесь дать суду по настоящему делу, будут содержать в себе правду, только правду и ничего, кроме правды?

– Клянусь, – ответила Джейн Риццоли.

– Спасибо. Можете сесть.

Тяжело опускаясь в свидетельское кресло, Джейн чувствовала на себе пристальные взгляды всех, кто находился на заседании суда. Они тарасились на нее с того самого момента, как она вплыла в зал – с опухшими ногами и огромным животом, выпиравшим из-под необъятного платья для беременных. Сейчас она ерзала в кресле, устраиваясь поудобнее и в то же время пытаясь выглядеть солидно, но в зале было душно, и она уже чувствовала, как лоб покрывается капельками пота. Потная, нервная, беременная полисменша. Да уж, фигура авторитетная.

Гари Сперлок, помощник окружного прокурора Саффолка, поднялся, чтобы приступить к допросу свидетелей. Джейн знала его как спокойного и методичного прокурора и совершенно не волновалась по поводу предстоящей процедуры. Она устремила взгляд на Сперлока, избегая смотреть на ответчика, Билли Уэйна Ролло, который сидел, ссутулившись, рядом со своим адвокатом и не сводил глаз с Джейн. Она знала, что Ролло пытается смутить ее своим злобным взглядом. Запугать, вывести из равновесия. В этом он ничем не отличался от других негодяев, и такие приемчики были для нее не внове. Так, последняя надежда неудачника.

– Не могли бы вы назвать суду ваше имя и фамилию по буквам? – попросил Сперлок.

– Детектив Джейн Риццоли. Р-И-Ц-Ц-О-Л-И.

– Ваша профессия?

– Я детектив отдела по расследованию убийств из Бостонского управления полиции.

– Сообщите, пожалуйста, о вашей квалификации и опыте работы.

Джейн снова заерзала, чувствуя, как ноет спина от жесткого сиденья.

– Я получила диплом специалиста по уголовному праву Общественного колледжа Массачусетс-Бэй. После стажировки в Академии Бостонского полицейского управления служила патрульным офицером в Бэк-Бэе и Дорчестере. – Она поморщилась, когда ребенок у нее в животе брыкнулся. «Сиди тихо. Мама выступает в суде». Между тем Сперлок ожидал продолжения. – В течение двух лет я работала детективом в отделе по расследованию преступлений, связанных с проституцией и наркоманией. Потом, два с половиной года назад, меня перевели в отдел по расследованию убийств, где я числюсь до настоящего момента.

– Спасибо, детектив. А теперь я хотел бы задать вам вопросы, касающиеся событий, имевших место третьего февраля нынешнего года. В рамках исполнения своих служебных обязанностей вы посетили здание в Роксберри. Верно?

– Да, сэр.

– Адрес здания: сорок два – восемьдесят по бульвару Малколма Экса, верно?

– Да. Это многоквартирный дом.

– Расскажите нам про этот визит.

– Примерно в половине третьего пополудни мы – мой партнер, детектив Барри Фрост, и я – прибыли по указанному адресу, чтобы опросить жильца квартиры два-Б.

– По какому поводу?

– По поводу расследования убийства. Хозяйка квартиры два-Б была знакома с жертвой.

– Значит, она не была подозреваемой по этому делу?

– Нет, сэр. Мы не рассматривали ее в качестве подозреваемой.

– И что произошло дальше?

– Мы постучали в дверь квартиры два-Б и услышали женские крики. Они доносились из квартиры напротив. Два-Е.

– Не могли бы вы описать эти крики?

– Я бы сказала, это были крики отчаяния. Страха. И еще мы слышали несколько громких ударов, как будто переворачивали мебель. Или били кого-то об пол.

– Протестую! – Адвокат, высокая блондинка, поднялась с места. – Это просто предположение. Она не находилась в квартире и не видела того, что там происходило.

– Протест принимается, – объявил судья. – Детектив Риццоли, пожалуйста, воздержитесь от догадок по поводу событий, которых вы не могли видеть.

«А если это не просто догадка? Ведь именно так все и было. Билли Уэйн Ролло бил свою подружку головой об пол».

Джейн сдержала свое раздражение и изменила показания:

– Мы слышали громкий стук, доносившийся из квартиры.

– И что вы предприняли?

– Мы с детективом Фростом тут же постучали в дверь квартиры два-Е.

– Вы сообщили, что являетесь офицерами полиции?

– Да, сэр.

– И что произошло...

– Это наглая ложь, – возразил ответчик. – Они не сказали, что они копы!

Все посмотрели на Билли Уэйна Ролло; он же не сводил глаз с Джейн.

– Воздержитесь от комментариев, господин Ролло, – приказал судья.

– Но она врет.

– Адвокат, либо вы контролируете поведение своего подзащитного, либо он будет выдворен из зала суда.

– Тсс, Билли, – пробормотала адвокат. – Это не поможет.

– Хорошо, – сказал судья. – Господин Сперлок, продолжайте.

Помощник окружного прокурора кивнул и снова обратился к Джейн:

– Что произошло после того, как вы постучали в дверь квартиры два-Е?

– Нам никто не ответил. Но мы по-прежнему слышали крики. Грохот. Мы решили, что существует реальная угроза чьей-то жизни и что нам необходимо войти в квартиру, даже без разрешения.

– И вы вошли?

– Да, сэр.

– Они вышибли мою дверь, черт возьми! – воскликнул Ролло.

– Замолчите, господин Ролло! – рявкнул судья, и ответчик снова ссутулился на своем стуле, прожигая взглядом Джейн.

«Пялься на меня сколько хочешь, убудок. Думаешь, я тебя боюсь?»

– Детектив Риццоли, – продолжал Сперлок, – что вы увидели, когда оказались в квартире?

Джейн вновь переключила внимание на окружного прокурора.

– Мы увидели мужчину и женщину. Женщина лежала на спине. Ее лицо было разбито, губа кровоточила. Мужчина склонился над ней и обеими руками обхватил ее шею.

– Этот мужчина сейчас находится в зале суда?

– Да, сэр.

– Пожалуйста, укажите на него.

Она показала на Билли Уэйна Ролло.

– Что было дальше?

– Мы с детективом Фростом оттащили господина Ролло от женщины. Она была в сознании. Господин Ролло оказал сопротивление и в завязавшейся драке нанес тяжелый удар в живот детективу Фросту. После этого господин Ролло выбежал из квартиры. Я погналась за ним по лестнице. Мне удалось задержать его.

– Своими силами?

– Да, сэр. – Она замолчала. И добавила, без всякого намека на юмор: – После того как он упал с лестницы. Как оказалось, он находился в состоянии алкогольного опьянения.

– Она толкнула меня, черт возьми! – взвился Ролло.

Судья стукнул молотком по столу.

– Я достаточно наслушался вас! Судебный пристав, выведите ответчика из зала.

– Ваша честь, – адвокат поднялась со своего места, – я берусь держать его под контролем.

– До сих пор вы не слишком успешно с этим справлялись, мисс Кинлан.

– Он будет молчать. – Адвокат посмотрела на своего клиента. – Верно?

Ролло злобно усмехнулся.

– У меня больше нет вопросов, ваша честь, – заключил Сперлок и сел.

Судья обратился к адвокату:

– Мисс Кинлан?

Виктория Кинлан встала для перекрестного допроса. Джейн еще не доводилось иметь дело с этой адвокатшей, и она не знала, чего ожидать. Пока Кинлан шла к свидетельскому месту, Джейн думала: «Молодая, роскошная блондинка. Какого черта ты взялась защищать этого подонка?» Женщина двигалась как топ-модель по подиуму; ее длинные ноги были подчеркнуты короткой юбкой и высокими шпильками. От одного только взгляда на эти каблуки у Джейн заныли ступни. Такие женщины, как Кинлан, всегда в центре внимания, и сейчас она прекрасно сознавала, что взгляды всех мужчин в этом зале прикованы к ее упругой маленькой попке.

– Доброе утро, детектив, – пропела Кинлан. Сладко. Слишком сладко. Особенно если учесть, что блондинка готовилась показать клыки.

– Доброе утро, мэм, – ответила Джейн, сохраняя нейтральный тон.

– Вы сказали, что в настоящее время несете службу в отделе по расследованию убийств.

– Да, мэм.

– И какие дела вы расследуете в данный момент?

– В данный момент у меня нет новых дел. Но я продолжаю...

– Все-таки вы являетесь детективом бостонской полиции. Неужели сейчас нет ни одного преступления, требующего тщательного расследования?

– Я нахожусь в декретном отпуске.

– О! Вы в отпуске. Значит, в настоящее время вы не работаете?

– Я исполняю административные обязанности.

– Давайте все-таки уточним. Вы не являетесь действующим детективом. – Кинлан улыбнулась. – В настоящий момент.

Джейн почувствовала, как у нее вспыхнули щеки.

– Как я уже сказала, я нахожусь в декретном отпуске. Даже у копов бывают дети, – добавила она с оттенком сарказма и тотчас пожалела об этом. «Не подыгрывай ей. Держи себя в руках». Но это легче сказать, чем сделать, в душном зале суда. Господи, что же у них с кондиционером? Почему все так спокойно переносят жару?

– Когда у вас роды, детектив?

Джейн выдержала паузу, недоумевая, к чему она клонит.

– Ребенок должен был родиться на прошлой неделе, – ответила она наконец. – Роды задерживаются.

– Возвращаясь к третьему февраля, когда вы впервые встретились с моим подзащитным, господином Ролло... Выходит, вы были... на третьем месяце беременности?

– Протестую, – вмешался Сперлок. – Это не имеет отношения к делу.

– Адвокат, – обратился к Кинлан судья, – в чем смысл вашего вопроса?

– Это имеет отношение к предыдущим показаниям, ваша честь. О том, что детективу Риццоли каким-то образом удалось в одиночку задержать моего физически сильного подзащитного.

– А при чем здесь беременность?

– Третий месяц беременности – сложный период для женщины...

– Она офицер полиции, мисс Кинлан. Задерживать нарушителей – ее работа.

«Молодец, судья! Так ей!»

Виктория Кинлан вспыхнула от его замечания.

– Хорошо, ваша честь. Я снимаю вопрос. – Она снова повернулась к Джейн. И некоторое время смотрела на нее, обдумывая следующий шаг. – Вы сказали, что были на месте событий вместе с детективом Фростом. И приняли совместное решение войти в квартиру два-Б.

– Речь шла не о квартире два-Б, мэм. А о квартире два-Е.

– Да, конечно. Я ошиблась.

«Да уж. Как будто ты не пытаешься подловить меня!»

– Вы сказали, что постучали в дверь и представились офицерами полиции, – продолжила Кинлан.

– Да, мэм.

– И это действие не имело ничего общего с причиной вашего визита в тот дом.

– Нет, мэм. Это простое совпадение, что мы оказались там именно в этот момент. Но когда мы понимаем, что жизнь гражданина в опасности, наша обязанность – вмешаться.

– И поэтому вы постучали в дверь квартиры два-Б.

– Два-Е.

– И когда никто не ответил, вы выломали дверь.

– Мы решили, что жизни женщины угрожают, судя по тем крикам, что мы слышали.

– А почему вы решили, что это крики отчаяния? Не могли они быть криками, ну, скажем, счастья, страсти?

Джейн хотелось расхохотаться от этого вопроса, но она сдержалась.

– Нет, мы слышали совсем другие звуки.

– А вы точно можете определить их характер? Вы улавливаете разницу?

– Женщина с разбитой губой – лучшее доказательство.

– Суть в том, что тогда вы этого знать не могли. Вы не дали моему подзащитному возможности открыть дверь. Вы молниеносно приняли решение и просто взломали ее.

– Мы остановили избиение.

– А вам известно, что так называемая жертва отказалась предъявить иск господину Ролло и они по-прежнему любящая пара?

Джейн стиснула зубы.

– Это ее право. – «Дура, конечно». – То, что я видела в тот день в квартире два-Е, было очевидным избиением. Там была кровь.

– А моя кровь не в счет? – снова возмутился Ролло. – Вы столкнули меня с лестницы! У меня до сих пор шрам на подбородке.

– Тишина, господин Ролло! – приказал судья.

– Посмотрите! Видите, как я ударился о нижнюю ступеньку? Мне пришлось накладывать швы!

– Господин Ролло!

– Вы толкнули моего подзащитного, детектив? – спросила Кинлан.

– Протестую! – крикнул Сперлок.

– Нет, не толкала, – ответила Джейн. – Он был пьян и сам свалился с лестницы.

– Она врет! – воскликнул ответчик.

Судья вновь стукнул молотком.

– Замолчите, господин Ролло!

Но Билли Уэйн Ролло уже разошелся не на шутку.

– Она и ее напарник вытащили меня на лестницу, чтобы никто не видел, чем они занимаются. Вы что, думаете, она смогла бы арестовать меня, эта беременная девчонка? Какой бред она тут несет!

– Сержант Джайвенс, выведите ответчика.

– Это полицейский произвол! – завопил Ролло, когда судебный пристав поднял его на ноги. – Эй вы, присяжные, вы что, идиоты? Разве не видите, что все сфабриковано? Эти два копа сбросили меня с лестницы!

Раздался удар молотка.

– Перерыв. Пожалуйста, проводите присяжных из зала.

– Конечно! Давайте сделаем перерыв! – Ролло расхохотался и отпихнул пристава. – Как раз в тот момент, когда они наконец

услышали правду!

– Выведите его из зала, сержант Джайвенс.

Джайвенс схватил Ролло за руку. Ответчик в ярости развернулся и, пригнувшись, ударил пристава головой в живот. Они оба упали на пол, и завязалась драка. Виктория Кинлан, открыв рот от изумления, смотрела, как ее клиент и пристав кувыркаются в непосредственной близости от ее дорогуших туфель на шпильках.

«О боже! Кто-то же должен остановить этот бардак».

Джейн тяжело поднялась со стула. Отодвинув перепуганную Кинлан, она подняла наручники, которые пристав в суматохе бросил на пол.

– Требуется помощь! – закричал судья, стуча молотком по столу. – Позовите еще одного пристава!

Сержант Джайвенс уже лежал на спине, придавленный к полу ответчиком, который как раз занес для удара правый кулак. Джейн схватила поднятую руку Ролло и защелкнула на запястье один наручник.

– Какого черта? – взревел Ролло.

Джейн наступила на него ногой, заломила руку за спину и уложила поверх пристава. Еще один щелчок – и второе кольцо наручников сомкнулось на левом запястье Ролло.

– Слезь с меня, чертова корова! – орал Ролло. – Сломаешь мне спину!

Сержант Джайвенс, лежавший в самом низу этой свалки, выглядел так, будто вот-вот задохнется.

Джейн убрала ногу со спины Ролло. И вдруг поток горячей жидкости хлынул у нее между ног, капая прямо на Ролло, на Джайвенса. Она попятилась назад, в ужасе уставившись на свое мокрое платье. На лужицу, растекавшуюся под ней на полу.

Ролло перевернулся на бок и уставился на нее. Он вдруг расхохотался. Зашелся в хохоте, завалившись на спину.

– Эй! – закричал он. – Вы только посмотрите на нее! Эта сучка обоссала свое платье!

4

Маура стояла на светофоре в Бруклин-Виллидж, когда ей на сотовый позвонил Эйб Бристол.

– Смотрела утренние новости? – осведомился он.

– Только не говори, что эта история стала темой номер один.

– Шестой канал. Имя репортера Зоя Фосси. Ты с ней общалась?

– Вчера вечером перекинулась парой слов. Ну и что она говорит?

– Если в двух словах, «женщину нашли живой в морге. Судмедэксперт обвиняет службу спасения Уэймаута и полицию штата в ошибочной констатации смерти».

– О господи! Этого я не говорила.

– Знаю. Но теперь на нас ополчился шеф службы спасения Уэймаута, да и полиция штата не в восторге. Луиза с трудом отбивается от их телефонных звонков.

На светофоре зажегся зеленый. Проезжая перекресток, Маура вдруг поймала себя на том, что ей хочется развернуться и поехать обратно домой. Страшно представить, что ждет на службе.

– Ты в офисе? – спросила она.

– С семи утра. Думал, ты уже на подходе.

– Я сейчас в машине. С утра готовила текст заявления.

– Хотел тебя предупредить: когда подъедешь, будь готова к тому, что тебя атакуют прямо на парковке.

– Они что, там дежурят?

– Да, репортеры, фургоны телевизионщиков. Заполонили всю Олбани-стрит. Снуют между нашим зданием и больницей.

– Повезло им! Все новости в одной точке.

– Ты больше ничего не слышала о пациентке?

– Сегодня утром звонила доктору Катлеру. Он сказал, что токсикология выявила положительную реакцию на барбитураты и алкоголь. Должно быть, она прилично накачалась.

– Возможно, это объясняет, почему она оказалась в воде. А поскольку она была накачана барбитуратами, неудивительно, что ее нашли без видимых признаков жизни.

– Но почему такой ажиотаж вокруг этого?

– Потому что новость достойна первых полос «Нэшнл инкуайрер». Мертвая встает из могилы. К тому же она молода, так ведь?

– Я бы сказала, ей лет двадцать с небольшим.

– Симпатичная?

– Какая разница?

– Да ладно тебе. – Эйб засмеялся. – Сама знаешь, что разница большая.

Маура вздохнула.

– Да, – признала она. – Очень симпатичная.

– Ну вот тебе и ответ на вопрос. Молодая, сексапильная и едва не загремевшая на секционный стол.

– Но ведь не загремела.

– Я просто предупреждаю, какая будет реакция у публики.

– Может, мне сказаться больной? Или вылететь первым рейсом на Бермуды?

– А мне расхлебывать? Не смей.

Когда минут через двадцать Маура свернула на Олбани-стрит, она сразу заметила два фургона телевидения, припаркованные у входа в здание бюро судмедэкспертизы. Как и предупреждал Эйб, репортеры уже были во всеоружии. Она вышла из кондиционированной прохлады своего «лексуса», окунувшись во влажное утро, и к ней сразу же устремилось с полдюжины репортеров.

– Доктор Айлз! – крикнул один из них. – Я из «Бостон трибьюн». Несколько слов о незнакомке.

В ответ Маура полезла в свой портфель и достала несколько экземпляров заявления, которое сочинила утром. Это был краткий отчет о событиях последней ночи и предпринятых ею действиях. Она протянула репортерам копии.

– Вот мое заявление, – сказала она. – Больше мне нечего добавить.

Но это не остановило поток вопросов.

– Как могла случиться подобная ошибка?

– Имя женщины еще неизвестно?

– Нам сказали, что факт смерти был констатирован службой спасения Уэймаута. Вы могли бы назвать имена?

– Вам нужно обратиться в их пресс-службу, – покачала головой Маура. – Я не могу отвечать за других.

– Вы должны признать, доктор Айлз, что речь идет о некомпетентности некоторых лиц, – заявила одна из женщин.

Маура узнала этот голос. Она обернулась и увидела блондинку, которая проталкивалась вперед.

– Вы репортер Шестого канала?

– Зоя Фосси. – Женщина начала расплываться в улыбке, польщенная тем, что ее узнали, но под взглядом Мауры ее улыбка тут же померкла.

– Вы исказили мои слова, – сказала Маура. – Я не говорила, что обвиняю службу спасения или полицию штата.

– Но кто-то же виноват в этом. Если не они, тогда кто? Может быть, вы, доктор Айлз?

– Нет.

– Живую женщину упаковали в мешок для трупа. Восемь часов держали в холодильнике морга. И никто не несет за это ответственности? – Фосси немного помолчала. – Не кажется ли вам, что кто-то может вылететь с работы за такие дела? Скажем, тот же следователь из полиции штата?

– По-моему, вы чересчур торопитесь с обвинениями.

– Эта ошибка могла стоить женщине жизни.

– Но ведь не стоила.

– Вы хотите сказать, что такие ошибки допустимы? – Фосси рассмеялась. – Неужели так трудно установить, что человек жив?

– Труднее, чем вам кажется, – огрызнулась Маура.

– Выходит, вы их защищаете.

– Я передала вам свое заявление. Я не могу комментировать действия других служб.

– Доктор Айлз! – Это снова был репортер из «Бостон трибьюн». – Вы сказали, что установить факт смерти не всегда легко. Я знаю, что подобные ошибки совершались и в других моргах страны. Не могли бы вы просветить нас: почему иногда бывает трудно определить, жив человек или мертв? – Он говорил уважительным и спокойным тоном. Это был не вызов, а вдумчивый вопрос, заслуживающий ответа.

Она пристально посмотрела на репортера. Увидела умные глаза, взъерошенные ветром волосы, аккуратную бородку и вдруг подумала, что он напоминает молодого профессора колледжа. С такой внешностью можно разбить сердце не одной студентки.

– Как ваше имя? – спросила она.

– Питер Лукас. Я веду колонку в «Трибьюн».

– Я побеседую с вами, господин Лукас. И только с вами. Проходите.

– Постойте! – запротестовала Фосси. – Многие из нас ожидали гораздо дольше.

Маура смерила ее ледяным взглядом:

– В данном случае, госпожа Фосси, Бог подает не тому, кто рано встает. А тому, кто вежлив. – Она отвернулась и направилась к зданию. Репортер из «Трибьюн» последовал за ней.

Ее секретарь Луиза говорила по телефону. Зажав трубку рукой, она шепнула Мауре с оттенком отчаяния в голосе:

– Телефон не смолкает. Что им говорить?

Маура положила перед ней на стол копию своего заявления.

– Отправляй всем по факсу.

– Это все, что мне нужно делать?

– Не соединяй меня ни с кем из журналистов. Я согласилась поговорить с господином Лукасом, и больше ни с кем. Я не буду давать других интервью.

Луиза окинула взглядом репортера, и по выражению ее лица нетрудно было прочесть: «Я вижу, вы выбрали самого симпатичного».

– Это не займет много времени, – сказала Маура.

Она провела Лукаса в свой кабинет и закрыла дверь. Указала ему на стул.

– Спасибо, что согласились побеседовать со мной, – поблагодарил ее журналист.

– Там, на улице, меня не раздражали только вы.

– Но это не значит, что я вообще не вызываю раздражения.

Она слегка улыбнулась этому замечанию.

– Это всего лишь стратегия самовыживания, – объяснила она. – Может, если я дам вам интервью, добычей для них станете именно вы. Они оставят меня в покое и начнут преследовать вас.

– Боюсь, это не сработает. Они все равно от вас не отстанут.

– Есть столько всего интересного, о чем вы могли бы написать, господин Лукас. Почему вы выбрали именно эту историю?

– Потому что она затрагивает наше подсознание. Пробуждает самые худшие страхи. Ведь каждому приходит в голову мысль о том, что он тоже может оказаться в подобной ситуации. Когда его, живого, примут за мертвого. Или того хуже, похоронят заживо. Согласитесь, такие случаи бывали.

Она кивнула:

– Да, история сохранила несколько документальных свидетельств. Но эти случаи имели место еще до того, как изобрели бальзамирование.

– А пробуждение в моргах? Это ведь не далекая история. Я выяснил, что за последние годы было несколько случаев.

Она заколебалась.

– Да, возможно.

– И чаще, чем публика может себе представить. – Он достал блокнот и принялся листать страницы. – Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год, Нью-Йорк. Мужчина лежит на

секционном столе. Патологоанатом берется за скальпель и уже собирается сделать первый надрез, когда труп вдруг просыпается и хватает врача за горло. Врач падает замертво от разрыва сердца. – Лукас взглянул на нее. – Вам известен этот случай?

– Вы ухватились за самый сенсационный пример.

– Но это правда. Разве нет?

Она вздохнула:

– Да. Этот случай мне известен.

Журналист перевернул страницу.

– Спрингфилд, Огайо, тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Женщину в доме престарелых признают умершей и перевозят в морг похоронного бюро. Она лежит на столе, а работник похоронного бюро готовит ее к похоронам. Вдруг труп начинает говорить.

– Похоже, вы хорошо подготовились.

– В самом деле, эта тема меня очень волнует. – Он пролистал свой блокнот. – Вчера ночью я составил целый список. Девочка в Южной Дакоте очнулась в открытом гробу. Мужчина в Де-Мойне ожил при вскрытии грудной клетки. Только тогда патологоанатом вдруг осознал, что сердце еще бьется. – Лукас посмотрел на Мауру. – Это не городские легенды. Это документально подтвержденные факты, и их немало.

– Послушайте, я не утверждаю, что таких случаев не было. Глупо отрицать очевидное. Да, трупы просыпались в моргах. При вскрытии старых могил обнаруживали, что крышка гроба исцарапана изнутри. Люди настолько напуганы, что некоторые производители гробов уже оборудуют свою продукцию датчиками вызова помощи. На случай, если кого-нибудь решат похоронить живым.

– Звучит ободряюще.

– Да, такое может произойти. Я уверена, вы слышали теорию о Христе. Что распятие Христа на самом деле не было распятием. А классическим примером погребения заживо.

– Почему же так сложно определить, мертв человек или нет? Разве это не очевидно?

– Иногда нет. Люди, подвергшиеся переохлаждению или, скажем, утонувшие в холодной воде, могут выглядеть мертвыми. Нашу неизвестную нашли в холодной воде. И к тому же есть определенные препараты, которые маскируют признаки жизни и затрудняют обнаружение дыхания и пульса.

– Как в «Ромео и Джульетте». Джульетта выпила какое-то зелье, чтобы выглядеть мертвой.

– Да. Я не знаю, что это было за зелье, но сценарий вполне правдоподобный.

– И какие препараты могут вызвать подобный эффект?

– Например, барбитураты. Они подавляют дыхание, и трудно определить, дышит ли человек.

– Именно это и выявил анализ на токсины, который сделали нашей незнакомке? Следы фенобарбитала.

Она нахмурилась:

– Откуда вы это узнали?

– Из проверенных источников. Но ведь это правда, так ведь?

– Без комментариев.

– Она лечилась у психиатра? Почему у нее передозировка фенобарбитала?

– Мы не знаем даже имени этой женщины, не говоря уже об истории ее болезни.

Некоторое время репортер изучающе глядел на Мауру, и от его пристального взгляда ей было не по себе. «Зря я согласилась на это интервью», – подумала она. Еще совсем недавно Питер Лукас производил впечатление вежливого и серьезного журналиста – как раз такого, кто отнесся бы к этой истории с должным уважением. Но характер его вопросов ей не нравился. Он пришел на эту встречу хорошо подготовленный и подкованный как раз в тех деталях, углубляться в которые ей совсем не хотелось: именно эти детали могли привлечь внимание широкой публики.

– Я так понимаю, эту женщину достали из вод залива Хингем вчера утром, – продолжал он. – Первой на вызов откликнулась служба спасения Уэймаута.

– Совершенно верно.

– Почему на место не пригласили судмедэксперта?

– У нас нет столько людей, чтобы выезжать на каждое место происшествия. К тому же это случилось в Уэймауте, да и не было никаких очевидных признаков убийства.

– Так решила полиция штата?

– Их детектив подумал, что, скорее всего, произошел несчастный случай.

– Или попытка самоубийства, учитывая результаты анализа на токсины.

Она не видела смысла отрицать то, что ему уже известно.

– Да, у нее могла быть передозировка.

– Передозировка барбитуратом. И переохлаждение в воде. Две причины, которые могли осложнить констатацию смерти. Разве не следовало учесть эти факторы?

– Да, пожалуй, это стоило принять во внимание.

– Но ни полиция, ни спасатели этого не сделали. Уже выглядит как ошибка.

– Такое случается. Это все, что я могу сказать.

– А лично вы, доктор Айлз, когда-нибудь совершали подобные ошибки? Объявляли мертвым того, кто был еще жив?

Маура задумалась, мысленно возвращаясь к годам интернатуры. Однажды ночью ее, дежурного врача, разбудил телефонный звонок. Как сказала медсестра, только что скончалась пациентка с койки 336А. Нужно прийти и констатировать смерть. Пока Маура шла к палате, она не испытывала ни беспокойства, ни неуверенности. В институте не было специального курса по методике констатации смерти; предполагалось, что смерть можно установить сразу, едва увидев тело. В ту ночь она шла по больничному коридору, думая о том, что быстро справится с задачей и, возможно, ей удастся еще

подремать. Смерть пациентки не была неожиданностью; в медицинской карте больной раком на последней стадии значилось: «неизлечима». Надежды на выздоровление не было.

Войдя в палату 336, Маура с удивлением обнаружила, что кровать окружена плотным кольцом рыдающих родственников, которые собрались попрощаться с покойной. Ей предстояло работать на глазах целой аудитории, в то время как она рассчитывала на тет-а-тет с покойной. На нее с горечью смотрели глаза родных, пока она, извинившись за вторжение, подходила к больничной койке. Пациентка лежала на спине, лицо ее было умиротворенным. Маура достала из кармана стетоскоп и, просунув мембрану под больничную сорочку, прижала ее к хилой груди. Склонившись над телом, она чувствовала, как плотнее сжимается кольцо родственников, как давит на нее их повышенное внимание. Она не стала долго слушать пациентку, как это было положено. Медсестры уже установили, что она мертва; вызов врача был всего лишь формальностью. Отметка в карте, подпись – все, что им нужно было для отправки пациентки в морг. Напряженно вслушиваясь в тишину, Маура думала только о том, как бы поскорее уйти из палаты. Она выпрямилась, придав лицу приличествующее случаю скорбное выражение, и перевела взгляд на мужчину, который, как она предположила, был мужем покойной. Она уже собиралась пробормотать: «Мне очень жаль, но она скончалась».

Но еле слышное дыхание остановило ее.

В изумлении она перевела взгляд на пациентку и увидела, что грудная клетка слегка приподнимается. Еще один вдох – и она снова замерла. Типичный случай агонального дыхания – никаких чудес, просто мозг посылает последние электрические импульсы, которые приводят в движение диафрагму. Родственники, толпившиеся в палате, открыли рты от изумления.

– О боже! – пролепетал муж. – Она еще жива.

– Это... произойдет очень скоро, – все, что смогла вымолвить Маура.

Она вышла из палаты, потрясенная тем, как близка была к ошибке. С тех пор она проявляла особую осторожность в констатации смерти.

Доктор Айлз взглянула на журналиста.

– Все совершают ошибки, – сказала она. – Установить смерть не так легко, как вам кажется.

– Выходит, вы защищаете спасателей? И полицию штата?

– Я говорю, что ошибки случаются. Вот и все. – «Одному Богу известно, сколько ошибок совершила я сама». – Я могу представить себе картину происшествия. Женщину нашли в холодной воде. В ее крови обнаружили барбитураты. Эти факторы могли обеспечить внешние признаки смерти. В сложившихся обстоятельствах ошибка не представляется столь уж грубой. Спасатели просто старались выполнить свою работу, и я надеюсь, что вы будете справедливы по отношению к ним, когда станете писать свой репортаж. – Она встала из-за стола, давая понять, что интервью окончено.

– Я всегда стараюсь быть справедливым, – сказал он.

– Не каждый журналист может этим похвастаться.

Лукас тоже поднялся и, уже стоя, глядел на нее.

– Дайте мне знать, если мои старания не увенчаются успехом. После того как прочтете мою колонку.

Доктор Айлз проводила его до двери. И пронаблюдала, как он прошел мимо стола Луизы и вышел из офиса.

Луиза подняла глаза от клавиатуры:

– Как все прошло?

– Не знаю. Может, и не следовало давать ему интервью.

– Ну, скоро мы это узнаем, – заметила Луиза, возвращаясь к работе. – Когда в пятницу в «Трибьюн» выйдет его колонка.

5

Джейн не могла определить, какие новости ее ждут – хорошие или плохие.

Доктор Стефания Тэм склонилась над ней с доплеровским стетоскопом, и блестящие черные волосы полностью скрывали ее лицо, так что Джейн не могла видеть его выражения. Лежа на спине, Джейн следила за тем, как головка стетоскопа скользит по ее огромному животу. У доктора Тэм были изящные руки – руки хирурга, и она держала прибор нежно и осторожно, как музыкант арфу. Рука вдруг замерла, и Тэм сосредоточенно склонилась ниже. Джейн взглянула на своего мужа Габриэля, который сидел рядом, и увидела, что в его глазах тоже появилось тревожное выражение.

«Что с нашим ребенком?»

Наконец доктор Тэм выпрямилась, взглянула на Джейн и мягко улыбнулась.

– Послушайте сами, – предложила она и увеличила громкость стетоскопа.

Из динамика доносились ритмичные посвистывания, уверенные и энергичные.

– Здоровое сердцебиение плода, – пояснила Тэм.

– Значит, с моим ребенком все в порядке?

– Пока все хорошо.

– Пока? Что это значит?

– Понимаете, ему больше нельзя оставаться там. – Тэм свернула стетоскоп и убрала его в футляр. – После разрыва амниотического мешка роды начинаются самопроизвольно.

– Но ничего же не происходит. Я не чувствую схваток.

– Вот именно. Ваш ребенок отказывается действовать. У вас на редкость упрямый малыш, Джейн.

– Как и его мамочка, – вздохнул Габриэль. – Она готова бороться с преступниками до самых родов. Пожалуйста, скажите моей жене, что

сейчас она официально находится в декретном отпуске.

– Работать вам категорически запрещено, – подтвердила Тэм. – Сейчас мы сделаем ультразвук и посмотрим, что там творится. А потом, я думаю, пора начинать стимуляцию.

– А что, само не начнется? – спросила Джейн.

– У вас отошли воды. Теперь там открыт путь для любой инфекции. Прошло два часа, а схваток все нет. Придется поторопить малыша. – Тэм решительно направилась к двери. – Сейчас вам поставят капельницу. А я пока проверю, свободен ли кабинет ультразвука. Потом нам нужно будет достать этого озорника, чтобы вы наконец стали мамочкой.

– Все происходит так быстро.

Тэм рассмеялась.

– У вас было девять месяцев, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Так что рождение ребенка не будет такой уж неожиданностью, – сказала она и вышла из комнаты.

Джейн уставилась в потолок.

– Я не уверена, что готова к этому.

Габриэль сжал ее руку.

– А я уже давно готов. Мне кажется, целую вечность. – Он поднял ее больничную сорочку и приложил ухо к голому животу. – Эй, малыш! – позвал он. – У папы уже нет сил терпеть, так что хватит нас дурачить.

– Фу! Ты сегодня плохо побрился.

– Я побреюсь еще раз, специально для тебя. – Габриэль выпрямился и посмотрел ей в глаза. – Я правду говорю, Джейн, – подтвердил он. – Я так долго мечтал о ней. О собственной маленькой семье.

– А что, если она окажется совсем не такой, как ты хотел?

– А чего я хотел, по-твоему?

– Сам знаешь. Идеальный ребенок, идеальная жена.

– Зачем мне идеальная жена, если у меня есть ты? – сказал он и, смеясь, увернулся, когда Джейн замахнулась на него.

«А вот мне все-таки удалось заполучить идеального мужа, – подумала она, глядя в его улыбающиеся глаза. – До сих пор не понимаю, почему мне так повезло. Ума не приложу, как девчонке с прозвищем Лягушка удалось выйти замуж за мужчину, на которого, стоит только ему войти в комнату, сворачивают головы все находящиеся там женщины».

Габриэль нагнулся к ней и тихо произнес:

– Ты ведь до сих пор мне не веришь? Я могу хоть тысячу раз это повторять, а ты все равно не поверишь. Ты именно то, что мне нужно, Джейн. Ты и ребенок. – Он чмокнул ее в нос. – Итак. Что мне нужно принести вам, мамочка?

– О черт! Не называй меня так. Это совсем не сексуально.

– А мне кажется, очень сексуально. По правде говоря...

Рассмеявшись, она хлопнула его по руке.

– Иди. Поешь что-нибудь. И принеси мне гамбургер с жареной картошкой.

– Доктор не велела. Никакой еды.

– Ей не обязательно об этом знать.

– Джейн!

– Ладно, ладно. Иди домой и приготовь сумку для больницы.

Он отсалютовал ей:

– К вашим услугам. Именно для этого я и взял целый месяц отпуска.

– И может, дозвонишься моим родителям? Они так и не отвечают по телефону. Да, и принеси мне ноутбук.

Габриэль вздохнул и покачал головой.

– Что? – не поверила она.

– Ты собираешься рожать и просишь меня принести тебе компьютер?

– Мне надо разобраться с кучей документов.

– Ты безнадежна, Джейн.

Она послала ему воздушный поцелуй:

– Ты это знал, когда женился на мне.

– Знаете, – произнесла Джейн, глядя на инвалидное кресло, – я и сама могу дойти до кабинета диагностической визуализации, если только вы мне скажете, где он находится.

Санитарка покачала головой и поставила коляску на тормоз.

– Таковы правила, мэм, никаких исключений. Пациентов надлежит перевозить именно так. Еще не хватало, чтобы вы оступились и упали.

Джейн посмотрела на кресло-каталку, потом перевела взгляд на убеленную сединой медсестру, которая собиралась везти ее. «Бедная старушка, – подумала Джейн, – это я ее должна возить». Потом неохотно сползла с кровати и устроилась на сиденье, а медсестра закрепила на каталке капельницу. Только сегодня утром Джейн мерилась силами с Билли Уэйном Ролло, а сейчас чувствовала себя царицей Савской. Как-то неловко. Пока ее катили по коридору, Джейн вслушивалась в свистящее дыхание санитарки, в котором неприятно ощущался табачный запах. «А вдруг старушке станет плохо? А вдруг ей потребуется реанимация? Тогда-то я смогу встать или это тоже против правил?» Джейн вжалась в кресло, избегая встречаться взглядом с теми, кто попадался им по пути. «Не смотрите на меня, – думала она. – Мне и так стыдно за то, что я заставляю бедную бабулю надрываться».

Санитарка втолкнула кресло в лифт, пристроив его по соседству с другим пациентом. Это был седой старик, который бормотал что-то себе под нос. Джейн заметила, что он был привязан к креслу ремнем, и подумала: «Господи, да они и впрямь серьезно относятся к этим правилам. Если попытаешься выбраться, тебя привяжут».

Старик сердито глянул на нее:

– На что это вы смотрите, дамочка?

– Ни на что, – спохватилась Джейн.

– Тогда перестаньте смотреть.

– Хорошо!

Чернокожий санитар, стоявший за спинкой его кресла, ухмыльнулся.

– Господин Бодин так со всеми разговаривает, мэм. Так что не берите в голову.

Джейн пожала плечами:

– На работе со мной обращаются и похуже. – «О том, что там постреливают, я уж помолчу». Она стала смотреть прямо перед собой, наблюдая за тем, как меняются цифры этажей на табло, и старательно избегала взгляда господина Бодина.

– Все суют нос не в свое дело, – продолжал ворчать старик. – Кругом любопытные. Пялятся без конца!

– Господин Бодин, – одернул его медбрат, – никто на вас не пялится.

– Она пялилась.

«Неудивительно, что тебя связали, старый дурак!» – подумала Джейн.

Когда двери лифта открылись на цокольном этаже, санитарка вывезла Джейн из кабины. Пока они ехали по коридору к кабинету ультразвука, она чувствовала на себе взгляды попадавших по пути людей. Те, кто способен был передвигаться на своих двоих, с любопытством разглядывали больную с огромным животом. Неужели так чувствуют себя все, кто прикован к инвалидному креслу? Постоянно ощущают на себе сочувственные взгляды?

Сзади донесся все тот же надтреснутый голос:

– Какого черта вы уставились на меня?

«Только не это, – подумала она. – Неужели господину Бодину тоже нужно на ультразвук?» Брюзжание старика не смолкло, даже когда они свернули за угол и въехали в приемное отделение.

Санитарка оставила Джейн в холле, рядом со стариком. «Не смотри на него, – мысленно приказала она себе. – Даже не косись в его сторону».

– Такая гордячка, что даже поговорить со мной не хочешь? – вдруг заговорил ворчун.

«Сделай вид, что его тут нет».

– Ну вот, теперь делает вид, будто меня здесь вовсе нет.

Она вздохнула с облегчением, когда открылась дверь и медсестра в голубом костюме вышла в холл.

– Джейн Риццоли!

– Это я.

– Доктор Тэм спустится через несколько минут. А я пока отвезу вас в кабинет.

– А как же я? – захныкал старик.

– Мы еще не готовы принять вас, господин Бодин, – ответила медсестра и покатила кресло Джейн. – Потерпите немножко.

– Но я хочу писать, черт возьми!

– Да, я знаю, знаю.

– Ничего вы не знаете.

– Знаю достаточно, чтобы не распинаться тут с вами, – пробурчала себе под нос медсестра, толкая перед собой кресло с Джейн.

– Я вам тут ковер опишу! – завопил старик.

– Любимый пациент? – осведомилась Джейн.

– О да. – Медсестра вздохнула. – Всеобщий любимец.

– Думаете, ему действительно нужно в туалет?

– Постоянно. У него простата размером с мой кулак, но он не разрешает хирургам прикасаться к ней.

Женщина ввезла Джейн в процедурный кабинет и поставила кресло-каталку на тормоз.

– А теперь я помогу вам лечь на стол.

– Я сама.

– Милая, с таким животом нужно принимать помощь. – Женщина подхватила Джейн под руку и помогла ей встать с кресла. Она стояла рядом, поддерживая пациентку, когда та забиралась на стол. – А теперь расслабьтесь, хорошо? – попросила она, поправляя капельницу. – Когда спустится доктор Тэм, мы приступим к сонограмме.

Женщина вышла, оставив Джейн одну в комнате. Смотреть здесь было не на что, кроме как на аппарат ультразвука. Ни окон, ни постеров на стенах, ни журналов. Даже ни одной газетенки вроде «Гольф дайджест».

Джейн поудобнее устроилась на столе и уставилась на голый потолок. Положив руки на живот, она стала ждать уже привычных толчков или возни, но ничего не было. «Давай, малыш. Поговори со мной. Скажи мне, что все будет хорошо».

Холодный воздух струился из кондиционера, и она поежилась в своей тонкой сорочке. Она машинально взглянула на часы, вдруг поймав себя на том, что вместо часов смотрит на пластиковый браслет. «Имя пациента: Риццоли Джейн». «Этому пациенту уже невтерпеж. Давайте быстрее, ребята!»

По коже живота вдруг пробежал озноб, и она почувствовала, как напряглась матка. Мышцы слегка сжались, замерли в этом положении, потом вновь расслабились. Наконец-то! Схватка.

Она посмотрела на висевшие на стене часы: 11:50.

6

К полудню температура воздуха перевалила за тридцать, асфальт раскалился, а над городом повисла удушливая дымка. Репортеры, с утра осаждавшие здание бюро судмедэкспертизы, разъехались, и Маура наконец смогла без эскорта пройти в больницу, находившуюся на противоположной стороне Олбани-стрит. В лифте она оказалась в компании свежеиспеченных интернов, и сразу же вспомнился урок, усвоенный в медицинской школе: «Главное – пережить июль». Какие они все молодые, думала она, глядя на гладкие лица и волосы, не тронутые сединой. В последнее время Маура почему-то стала обращать на это внимание, общаясь с копами и врачами. Как молодо они выглядят! Ей вдруг стало интересно: а что эти интерны думают, глядя на нее? Какая-то стареющая тетка, без халата, без таблички на лацкане пиджака. Возможно, принимают ее за родственницу пациента и даже не удостоивают взглядом. Да, когда-то и она была таким же врачом-интерном в белом халате, молоденькой и дерзкой. Прежде чем узнала, что в жизни бывают не только победы, но и поражения.

Открылись двери лифта, и Маура проследовала за интернами в лечебное отделение. Они прошли мимо поста медсестры, неприкосновенные в своих белых халатах. Зато Мауру, которая была в обычной одежде, притормозил дежурный администратор.

– Простите, вы кого-нибудь ищете?

– Я к пациентке, – ответила Маура. – Ее доставили в больницу вчера ночью, по скорой помощи. Насколько мне известно, сегодня утром ее перевели из реанимации.

– Как ее имя?

Маура заколебалась.

– Я полагаю, она до сих пор значится как Джейн Доу. Доктор Катлер сообщил мне, что она находится в палате четыреста тридцать один.

Администратор прищурился:

– Прошу прощения. Нам целый день звонят репортеры. Мы больше не можем дать никакой информации об этой пациентке.

– Я не репортер. Я доктор Айлз из бюро судмедэкспертизы. Доктор Катлер предупрежден о том, что я приду ее провести.

– Могу я попросить ваши документы?

Маура полезла в сумочку и предъявила свое удостоверение. Вот что значит явиться без халата, подумала она. Мимо нее, словно стадо гусей, сновали интерны в белых одеждах.

– Вы можете позвонить доктору Катлеру, – предложила Маура. – Он меня знает.

– Ну, я полагаю, в этом нет необходимости, – сказал администратор, возвращая Мауре удостоверение. – С этой пациенткой столько хлопот, что пришлось даже выставить охранника возле ее палаты.

Когда Маура направилась по коридору, администратор крикнул ей вслед:

– Он наверняка тоже попросит у вас документы!

Направляясь к палате 431, она была готова выдержать очередную серию вопросов и не стала убирать удостоверение, но никакого охранника у дверей не оказалось. Маура уже собиралась постучать в дверь, но вдруг услышала какой-то грохот, словно там упало что-то металлическое.

Она ворвалась в палату и увидела обескураживающую картину. Врач стоял возле койки, придерживая капельницу. Охранник склонился над пациенткой, пытаясь удержать ее за запястья. Прикроватная тумбочка была перевернута, пол залит водой.

– Вам нужна помощь? – громко спросила Маура.

Доктор бросил на нее взгляд через плечо, и она успела заметить его голубые глаза и ежик светлых волос.

– Нет, все в порядке. Мы ее держим, – сказал он.

– Давайте я затаю ремень, – предложила она и подошла к койке со стороны охранника. В тот момент, когда она потянулась к

болтавшемуся ремню, женщина отдернула руку. Охранник что-то промычал.

От прогремевшего взрыва Маура зажмурилась. В лицо хлынуло что-то теплое, охранник вдруг покачнулся и завалился прямо на нее. Маура не устояла под его тяжестью и вместе с ним рухнула на пол. Блузка тотчас пропиталась холодной водой с пола, а сверху сквозь ткань просачивалась теплая кровь. Она попыталась сбросить навалившееся на нее тело, но охранник оказался таким тяжелым, что ей трудно было дышать.

Охранник забился в агонии. Теплая кровь вновь окатила ее лицо, залилась в рот, и она едва не поперхнулась. «Я сейчас захлебнусь». С криком она подтолкнула тело, и оно, скользкое от крови, сползло с нее.

Маура с трудом поднялась с пола и взглянула на женщину, теперь уже полностью освободившуюся от ремней. И только тогда поняла, что пациентка держит в руках.

«Пистолет. У нее пистолет охранника».

Доктор исчез. Маура осталась наедине с неизвестной и, пока они в упор смотрели друг на друга, с устрашающей ясностью запомнила все черты лица женщины. Спутанные черные волосы, безумный взгляд. Натянутые сухожилия рук, сжимающих пистолет.

«Боже правый, она собирается стрелять».

– Пожалуйста, не надо, – прошептала Маура. – Я просто хотела помочь вам.

Звук торопливых шагов отвлек женщину, и она резко обернулась к двери. Возникшая на пороге медсестра так и застыла с открытым от изумления ртом при виде следов побоища.

Джейн Доу вдруг соскочила с кровати. Все произошло настолько быстро, что Маура даже не успела среагировать. Она оцепенела, когда женщина схватила ее за руку, приставив к шее дуло пистолета. Еле живая от ужаса, Маура позволила увлечь себя к двери. Медсестра шарахнулась в сторону, не вымолвив ни слова. Мауру вытолкнули из палаты в коридор. Где же охрана? Позвал ли кто-

нибудь на помощь? Они продолжали двигаться по больничному коридору, приближаясь к посту медсестры, и Маура чувствовала, как прижимается к ней потное тело пациентки и свистит в ушах ее сдавленное паникой дыхание.

– Осторожно! Уйдите с дороги, у нее оружие! – донесся до Мауры чей-то возглас. Краем глаза она увидела группку интернов, которых встречала ранее. Сейчас они уже не казались дерзкими в своих белых халатах, напротив – с выпученными глазами они выглядели напуганными. Так много свидетелей; так много бесполезных людей.

«Кто-нибудь, помогите же мне, черт возьми!»

Джейн Доу и ее пленница уже приблизились к посту, и теперь изумленные медсестры молча наблюдали за ними, застыв словно бессловесные восковые фигуры. Зазвонил телефон, но никто не снял трубку.

Прямо перед ними был лифт.

Женщина нажала кнопку вызова. Двери открылись, неизвестная втолкнула Мауру в кабину, зашла следом и ткнула в кнопку первого этажа.

Четыре этажа. «Буду ли я жива, когда эти двери снова откроются?»

Женщина отступила к противоположной стенке кабины. Маура смотрела на нее, не моргая. «Пусть видит, кто перед ней. Пусть смотрит мне в глаза, когда будет нажимать на курок». В лифте было прохладно; хотя на Джейн Доу была лишь тонкая больничная сорочка, ее лицо покрывали блестящие капельки пота, а руки, сжимавшие пистолет, дрожали.

– Зачем вы это делаете? – спросила Маура. – Я ведь не сделала вам ничего плохого! Вчера ночью я пыталась помочь вам. Это я спасла вас.

Женщина не ответила. Не произнесла ни слова, ни звука. Маура слышала только ее дыхание, хриплое и прерывистое от страха. Лифт остановился, и взгляд женщины метнулся к дверям. Маура судорожно пыталась вспомнить план больничного вестибюля. Стойка

информации у самой двери, в ней старушка с серебристыми сединами волосами. Сувенирный магазинчик. Ряд телефонных будок.

Двери открылись. Женщина схватила Мауру за руку и вытолкнула из лифта. И вновь дуло пистолета уперлось ей в шею. В горле у нее пересохло. Она посмотрела по сторонам, но никого не увидела, в вестибюле было безлюдно. Потом она заметила одинокого охранника, трусливо спрятавшегося за стойкой информации. Маура взглянула на его седую голову, и сердце у нее ушло в пятки. Помощи от него ждать не приходилось; это был просто испуганный старик, пусть и в форме охранника. Его самого ничего не стоило взять в заложники.

А на улице уже выла сирена, как привидение, накликающее смерть.

Женщина с такой силой потянула ее за волосы, что Маура запрокинула голову и тут же уловила жаркое дыхание, сдобренное запахом страха. Они двигались к выходу, и Маура краем глаза увидела старика-охранника, серебристые воздушные шары в витрине магазина и телефонную трубку, болтавшуюся на шнуре. И вот уже ее выпихнули за дверь, прямо в полуденную духоту.

У тротуара затормозил патрульный автомобиль бостонской полиции, и оттуда выскочили двое полицейских с оружием в руках. Они застыли, вперившись в Мауру, которая закрывала им линию огня.

Все ближе становились завывания другой сирены.

Женщина отчаянно ловила воздух, видя, как стремительно ограничиваются ее возможности. Путь вперед был отрезан; и она потянула Мауру назад, в холл только что покинутого здания.

– Я вас прошу, – прошептала Маура. – Другого выхода нет. Уберите пистолет. Просто уберите его, и мы вместе встретим их, хорошо? Мы поговорим с ними, они вас не тронут...

Маура увидела, как двое полицейских короткими перебежками приближаются к зданию. Она по-прежнему загромождала им мишень, поэтому копам только и оставалось, что беспомощно

наблюдать за действиями незнакомки, которая, отступая все глубже в холл, тянула за собой заложницу. До Мауры донесся сдавленный вздох, и краем глаза она увидела группу замерших на месте потрясенных зевак.

– Посторонитесь! – закричал один из копов. – Освободите дорогу!

«Сейчас все будет кончено, – подумала Маура. – Мы приперты к стенке вместе с этой сумасшедшей, которую невозможно уговорить сдаться». Она слышала, что дыхание женщины участилось до истошных всхлипов, и ощутила, как по ее рукам, словно электрический ток по проводам, пробежал ужас. Маура чувствовала, что близится кровавая развязка, и читала приговор в глазах полицейских, неумолимо приближающихся к ним. Один выстрел – и кровь фонтаном хлещет из головы заложницы. И вслед за этим шквал пуль, который обрушивается со стороны полицейских. Но пока время как будто замерло. И Джейн Доу, зажата в тисках паники, была бессильна изменить ход событий.

«Только я могу изменить ситуацию. Пора сделать это».

Маура глубоко втянула воздух в легкие. А выдыхая, расслабила мышцы. Ноги подкосились, и она осела на пол.

Женщина удивленно замычала, изо всех сил пытаясь удержать Мауру. Но расслабленное тело оказалось слишком тяжелым, и вот уже заложница сползла на пол, лишив ее живого щита. Освободившись, Маура ловко вырвалась и перекатилась на бок. Она обхватила голову руками и свернулась калачиком, ожидая шквального огня. Но услышала лишь топот ног и крики.

– Черт! Не могу поймать цель!

– Да отойдите же, черт возьми!

Чья-то рука схватила ее, встряхнула.

– Леди! Как вы? Все в порядке?

Превозмогая дрожь, она наконец взглянула в лицо полицейского. Слышался треск раций, а сирены выли, словно плакальщицы над покойником.

– Вставайте, вам нужно уйти отсюда. – Полицейский схватил Мауру за руку и помог подняться. Ее так трясло, что она едва держалась на ногах, поэтому коп обхватил ее за талию и провел к выходу. – А ну-ка все немедленно выйдите из здания! – крикнул он зевакам.

Маура оглянулась. Джейн Доу и след простыл.

– Можете идти? – спросил полицейский.

Не в силах вымолвить ни слова, она лишь кивнула.

– Тогда идем! Нужно всех эвакуировать. Там никому нельзя оставаться.

«Еще бы, ведь может пролиться кровь».

Она сделала несколько шагов. Оглянулась в последний раз и увидела, что коп уже бросился по коридору. Судя по указателю – в то крыло, где скрылась Джейн Доу.

Отделение диагностической визуализации.

Джейн Риццоли внезапно проснулась и, удивленно поморгав, уставилась в потолок. Она не ожидала, что заснет, но стол в кабинете диагностической визуализации оказался на удивление удобным, а она действительно устала: полноценного сна у нее не было вот уже несколько дней. Она посмотрела на настенные часы и поняла, что вот уже более получаса находится одна в кабинете. И сколько еще ждать? Уже закипая от раздражения, она подождала еще пять минут.

«Все, с меня хватит. Пойду выясню, что происходит. И обойдусь без их кресла-каталки».

Она слезла со стола, босыми ногами ступив на холодный пол. Сделав два шага, она поняла, что рука по-прежнему привязана к капельнице с солевым раствором. Она отстегнула мешочек с жидкостью, подвесила к передвижному штативу и покатила его к двери. Выглянув в коридор, Джейн никого не увидела. Ни медсестры, ни санитарки, ни рентгенолога.

Ну это уж слишком. Похоже, про нее забыли.

Она двинулась по коридору, толкая перед собой штатив, колеса которого дребезжали по линолеуму. Она прошла мимо одной открытой двери, потом другой, но не увидела ничего, кроме пустых процедурных столов. Куда все подевались? Она спала всего-то ничего, и за это время все как сквозь землю провалились.

«Может, прошло гораздо больше, чем полчаса?»

Джейн на мгновение остановилась в пустом коридоре, и, совсем как в фильме «Сумеречная зона», ей пришла в голову мысль, что, пока она спала, все живое исчезло с лица земли. Она оглядела коридор, пытаясь вспомнить, с какой стороны находится приемное отделение. Жаль, что она не запоминала маршрут, когда медсестра везла ее на ультразвук. Открыв первую попавшуюся дверь, она увидела пустой кабинет. Открыла другую дверь, за которой оказался архив.

Никого.

Она зашагала быстрее по лабиринту коридоров, волоча за собой капельницу. Что же это за больница, где бедную беременную женщину бросают на произвол судьбы? Она будет жаловаться – да, черт возьми, пора скандалить. Она могла бы уже родить! Или вообще умереть! Как бы то ни было, но она была вне себя от злости, а это вовсе не то настроение, в котором должна пребывать беременная. Во всяком случае, она.

Наконец Джейн увидела табличку «выход» и, уже готовая произнести пару ласковых, толкнула дверь. Оглядев приемную, она не сразу оценила обстановку. В углу все так же сидел в своей коляске господин Бодин. Медсестра из кабинета ультразвука и администратор, прижавшись друг к другу, сидели на одном из диванов. На другом диване располагались доктор Тэм и чернокожий санитар. Что это у них – чаепитие? Оставили ее одну где-то на задворках, а сами отдыхают тут, на диванчиках?

Она вдруг заметила, что на полу валяется медицинская карта, а чуть в стороне, на ковре, – перевернутая кружка и разлитый кофе. И тут до нее дошло, что поза у доктора Тэм вовсе не расслабленная:

спина напряжена, а лицо искажено страхом. И взгляд ее устремлен
вовсе не на Джейн.

Только тогда Джейн поняла: «Кто-то стоит у меня за спиной».

7

Маура сидела в трейлере передвижного командного пункта, в окружении телефонных аппаратов, телевизоров, ноутбуков. Кондиционер не работал, и в трейлере были те же тридцать градусов, что и на улице. Офицер Имертон, радиооператор, жадно глотнул воды, обмахиваясь рукой. А капитан Хейдер, офицер бостонской полиции, ответственный за спецоперацию, с невозмутимым видом изучал план здания, выведенный на экране компьютера. Рядом с ним сидел инженер больницы и комментировал представленную схему.

– Сейчас она отсиживается в отделении диагностической визуализации, – пояснил инженер. – Раньше в этом крыле находился рентген, а потом его перевели в новую пристройку. Боюсь, здесь вас ждут большие проблемы, капитан.

– Что за проблемы? – спросил Хейдер.

– С внешней стороны стены этого крыла защищены свинцом, к тому же здесь нет ни окон, ни дверей, ведущих наружу. С улицы вам никак туда не пробраться. И баллон со слезоточивым газом не забросить.

– Получается, единственный вход в диагностическое отделение через этот коридор?

– Совершенно верно. – Инженер посмотрел на Хейдера. – Я так понимаю, она заперла эту дверь?

Хейдер кивнул.

– Это означает, что она в ловушке. Мы велели своим людям отступить к холлу, чтобы убрать их с линии огня на случай, если она решит бежать.

– Она в тупике. Единственный выход – мимо ваших людей. Она надежно изолирована. Но с другой стороны, вам непросто будет пробраться внутрь.

– Похоже, мы в безвыходном положении.

Инженер кликнул мышью, увеличивая фрагмент плана.

– Здесь есть одна лазейка, но все зависит от того, в какой именно точке она засела. Свинцовая защита имеется на стенах всех диагностических отделений. Но здесь, в комнате ожидания, защиты нет.

– А здесь что за стройматериалы?

– Штукатурка. Сухая кладка. Так что с верхнего этажа можно пробурить потолок. – Инженер посмотрел на Хейдера. – Но в этом случае она может переместиться в зону свинцовой обшивки и тогда снова станет недоступной.

– Прошу прощения, – вмешалась в их разговор Маура.

Хейдер обернулся. В его голубых глазах промелькнуло раздражение.

– Да! – рявкнул он.

– Я могу идти, капитан Хейдер? Больше мне вам нечего рассказать.

– Пока нет.

– Долго еще?

– Дождитесь беседы с нашим переговорщиком. Ему понадобятся все свидетели.

– Буду рада побеседовать с ним, но не вижу смысла торчать здесь. Мой офис на другой стороне улицы. Вы знаете, где найти меня.

– Это не так уж близко, доктор Айлз. Так что вам придется остаться. – Хейдер уже отвернулся к дисплею, давая понять, что ее возражения бессмысленны. – События разворачиваются слишком быстро, и мы не можем тратить время на розыск свидетелей.

– Я же никуда не денусь. И я не единственный свидетель. Есть еще медсестры, которые ухаживали за ней.

– Мы их тоже задержали. И будем беседовать со всеми сразу.

– И еще тот доктор в ее палате. Все произошло у него на глазах.

– Капитан Хейдер! – Имертон оторвался от рации. – Первые четыре этажа эвакуированы. На верхних этажах остались пациенты, находящиеся в критическом состоянии, а всех остальных уже увели.

– Что наши укрепления?

– Внутренний периметр оцеплен. Коридор забаррикадирован. Мы ждем людей, чтобы укрепить внешний периметр.

Телевизор над головой Хейдера был настроен на местный бостонский канал и работал без звука. Шел прямой репортаж с места событий, и кадры, мелькавшие на экране, были до боли знакомыми. «Вот Олбани-стрит, – подумала Маура. – А вот и трейлер командного пункта, где меня держат, как пленницу». В то время как весь Бостон следил за разыгрывавшейся драмой по телевизору, она находилась в самой гуще событий.

Трейлер вдруг задрожал, и на пороге возник мужчина. Еще один коп, подумала она, заметив у него на поясе кобуру пистолета, но этот полицейский был ниже ростом и не такой внушительный, как Хейдер. Взмокшие от пота редкие каштановые волосы липли к его ярко-красному черепу.

– Боже, здесь душегубка хуже, чем на улице, – заметил мужчина. – У вас что, кондиционер не работает?

– Работает, – ответил Имертон. – Но толку чуть. Все некогда отвезти его в сервис. С этой электроникой прямо беда.

– Да и с людьми тоже, – добавил вошедший, и взгляд его остановился на Мауре. Он протянул ей руку. – Вы доктор Айлз, верно? Я лейтенант Лерой Стилман. Меня вызвали, чтобы разрядить обстановку. Посмотреть, можно ли обойтись без насилия.

– Вы переговорщик?

Он скромно пожал плечами:

– Так меня называют.

Они обменялись рукопожатиями. Возможно, все дело было в его непритязательной внешности – виноватое выражение лица, лысина во всю голову, но Маура почему-то сразу прониклась к нему симпатией. В отличие от Хейдера, который, казалось, бурлил тестостероном, этот человек смотрел на нее со спокойной и терпеливой улыбкой. Как будто готов был посвятить беседе с ней все свое время. Он повернулся к Хейдеру:

– В этом трейлере невозможно находиться. Зачем ей сидеть здесь?

– Ты сам просил не отпускать свидетелей.

– Да, но не жаривать их живьем. – Он распахнул дверь. – В любом другом месте будет намного приятнее, чем здесь.

Они вышли, и Маура глубоко вздохнула, радуясь своему освобождению. Здесь, на улице, было хотя бы какое-то подобие ветерка. За то время, что она пребывала в заточении, Олбани-стрит превратилась в море полицейских машин. Все подъезды к зданию бюро судмедэкспертизы были перекрыты, и она не знала, удастся ли ей выехать с парковки. А в отдалении, за линией полицейского оцепления, маячили спутниковые тарелки, нависшие над крышами телевизионных фургонов. Интересно, репортеры так же изнывают от жары, как она в полицейском трейлере? Маура надеялась, что это так.

– Спасибо, что подождали, – сказал Стилман.

– Выбора мне не предоставили.

– Я понимаю, что причинил вам неудобство, но мы вынуждены задерживать всех свидетелей, чтобы коротко допросить их. Сейчас ситуация под контролем, и мне нужно хорошенько разобраться в происходящем. Мы не знаем ее мотивов. Не знаем, сколько людей может находиться с ней. Мне необходимо понять, с кем мы имеем дело, чтобы найти правильный подход, когда мы начнем переговоры.

– Она пока молчит?

– Да. Мы изолировали три телефонные линии в том крыле, где она забаррикадировалась, так что можем контролировать все ее звонки. Мы неоднократно пытались связаться с ней, но она все время вешает трубку. Впрочем, пройдет время – и ей захочется общения. Так бывает почти всегда.

– Вы полагаете, она такая же, как все террористы?

– Как правило, если дело касается заложников, преступники ведут себя одинаково.

- И как много среди них женщин?
- Должен признать, это нетипично.
- Вам когда-нибудь приходилось иметь дело с женщиной-террористкой?

Он задумался.

– По правде говоря, – сказал он, – в моей практике это первый случай. Первый для всех нас. Здесь мы имеем дело с редким исключением. Женщины не захватывают заложников.

– Но эта захватила.

Он кивнул.

– И пока я не располагаю информацией, мне приходится действовать по старой схеме. Прежде чем я вступлю в переговоры, мне необходимо знать о ней как можно больше. Кто она, почему это делает.

Маура покачала головой:

- Не знаю, смогу ли я вам помочь.
- Вы последняя, кто вступал с ней в контакт. Расскажите мне все, что помните. Каждое слово, произнесенное ею, каждое ее движение.
- Я была с ней наедине очень недолго. Всего несколько минут.
- Вы разговаривали?
- Я пыталась.
- Что вы ей говорили?

Маура почувствовала, что ладони вновь стали влажными, стоило ей вспомнить ту поездку в лифте. Вспомнить, как дрожала рука женщины, сжимавшая пистолет.

– Я пыталась успокоить ее, урезонить. Я сказала, что хочу ей помочь.

- И как она реагировала?
- Она молчала. Не проронила ни звука. И это было самое страшное. – Она взглянула на Стилмана. – Ее абсолютное молчание.

Он нахмурился:

– Она что, вообще никак не реагировала на ваши слова? Вы уверены в том, что она вас слышала?

– Она не глухая. Она реагировала на звуки. Я уверена в том, что она слышала вой сирен.

– И тем не менее не произнесла ни слова? – Он покачал головой. – Странно. Может, мы имеем дело с языковым барьером? Тогда это осложнит переговоры.

– Мне показалось, что она не расположена к переговорам.

– Давайте с самого начала, доктор Айлз. Расскажите все, что она делала, все, что делали вы.

– Я уже все рассказала капитану Хейдеру. Бесконечно задавая мне одни и те же вопросы, вы не продвинетесь ни на шаг.

– Я знаю, что вам приходится повторяться. Но может быть, что-то из того, что вы вспомните, окажется чрезвычайно важной деталью. Единственной зацепкой для меня.

– Она целилась мне в голову. Мне трудно было сосредоточиться на чем-то. Я думала только, как бы остаться в живых.

– И все-таки вы были с ней. Вы лучше всех знаете, в каком она состоянии. У вас есть какие-то соображения, почему она это сделала? И собирается ли она расправиться с заложниками?

– Она уже убила одного человека. Это вам ни о чем не говорит?

– Но с тех пор мы не слышали других выстрелов, так что, можно считать, первые критические полчаса миновали, а это самый опасный период. Именно в это время захватчик находится под воздействием страха и может убить заложника. Прошел уже час, а она не совершила больше никаких действий. Никто не пострадал, насколько нам известно.

– Тогда что она там делает?

– Понятия не имею. Мы по-прежнему пытаемся выяснить, кто она, откуда взялась. Убийный отдел проверяет, что предшествовало ее появлению в морге. В больничной палате сняты, как мы надеемся, ее отпечатки пальцев. Пока никто не пострадал, время работает на нас. Чем дольше будет пауза, тем больше информации о ней мы сможем получить. И тем выше вероятность того, что все обойдется без кровопролития и героизма. – Он бросил взгляд в сторону

больницы. – Видите вон там полицейских? Они уже готовы штурмовать здание. Если дойдет до этого, тогда можно считать мою миссию неудачной. У меня есть золотое правило: не спешить. Мы блокировали ее в крыле, где нет ни окон, ни выходов, так что ей не уйти. Во всяком случае, своими ногами. Так что пусть посидит, обдумает ситуацию. И со временем поймет, что нет другого выбора, кроме как сдаться.

– Если она достаточно разумна, чтобы это понять.

Некоторое время Стилман молча смотрел на Мауру. словно взвешивал ее слова.

– Как вы считаете, она в здравом уме?

– Я считаю, что она до смерти напугана, – сказала Маура. – Когда мы были одни в лифте, я видела ее взгляд. В нем была паника.

– И поэтому она стреляла?

– Должно быть, она почувствовала угрозу. Нас было трое возле ее кровати, и мы все пытались усмирить ее.

– Трое? Медсестра, с которой я беседовал, сказала, что, когда она вошла в палату, увидела только вас и охранника.

– Был еще врач. Молодой человек, блондин.

– Медсестра его не видела.

– Да, он сбежал. После того как прогремел выстрел, он бросился наутек, словно трусливый заяц. – Маура замолчала, все еще переживая тот факт, что она была брошена на произвол судьбы. – Я осталась одна в ловушке.

– Как вы думаете, почему пациентка стреляла только в охранника? Вас ведь было трое там, возле ее койки?

– Он наклонился к ней. И стоял ближе всех.

– А может, все дело в его униформе?

Маура нахмурилась:

– Что вы имеете в виду?

– Подумайте сами. Униформа – это символ власти. Она могла принять его за полицейского. Это наводит на мысль, что у нее могло быть криминальное прошлое.

– Многие люди боятся полиции. Для этого вовсе не обязательно быть преступником.

– Почему она не выстрелила в доктора?

– Я же сказала вам, он убежал. Его уже не было в палате.

– Но она и вас не убила.

– Потому что ей нужен был заложник. Я подвернулась под руку.

– Как вы думаете, она бы убила вас, будь такая возможность?

Маура посмотрела ему в глаза:

– Я думаю, эта женщина не остановится ни перед чем, лишь бы остаться в живых.

Внезапно распахнулась дверь трейлера. Капитан Хейдер высунул голову и обратился к Стилману:

– Пожалуй, тебе стоит зайти к нам и кое-что послушать, Лерой.

– Что там?

– Только что поймали в эфире.

Маура вернулась следом за Стилманом в трейлер, где, как ей показалось, стало совсем нечем дышать.

– Прокрути эту передачу еще раз, – попросил Хейдер Имертона.

Из динамика раздался взволнованный мужской голос:

– ...вы слушаете радиостанцию «КБУР», и с вами я, Роб Рой, ведущий программы этого странного дня. Друзья, у нас тут прелюбопытная ситуация. Только что к нам поступил звонок от дамы, которая утверждает, будто она удерживает заложников в медицинском центре. Я поначалу не поверил, но наш оператор как раз сейчас беседует с ней. Мы думаем, что она не обманывает...

– Какого черта? – возмутился Стилман. – Это же наверняка мистификация. Мы полностью изолировали все телефонные линии.

– Слушай дальше, – перебил его Хейдер.

– ...итак, здравствуйте, мисс, – прозвучал голос диджея. – Мы готовы выслушать вас. Назовите свое имя.

– Мое имя знать не обязательно, – отозвался хриплый женский голос.

– Хорошо. Ну и зачем вы все это делаете?

– Жребий брошен. Это все, что я хотела сказать.

– И что это значит?

– Передайте им. Просто передайте: жребий брошен.

– Хорошо, хорошо. Что бы это ни означало, весь Бостон это услышал. Друзья, если вы нас слушаете, знайте, что жребий брошен. Это Роб Рой, и мы находимся на прямой связи с дамой, из-за которой разгорелся весь этот сыр-бор...

– Скажите полиции, чтобы убирались, – продолжала женщина. – Здесь, в этой комнате, у меня шестеро заложников. И пуль хватит на всех.

– Эй, мэм! Вам нужно успокоиться. Не трогайте никого.

Стилман побагровел от злости.

– Как такое могло произойти?! – воскликнул он, повернувшись к Хейдеру. – Я думал, мы изолировали телефонные линии.

– Так и есть. Но она звонила с сотового.

– С чьего сотового?

– Номер зарегистрирован на имя Стефании Тэм.

– Нам известно, кто это?

– ...Ой! Друзья, у меня проблемы, – сказал Роб Рой. – Звукорежиссер только что сообщил мне, что нам поступил приказ прекратить переговоры. Полиция перекрывает нам эфир, друзья, и мне приходится сворачивать разговор. Вы все еще на связи, мэм? Алло! – Пауза. – Похоже, мы потеряли связь. Ну, я надеюсь, она успокоится. Дамочка, если вы все еще слышите меня, пожалуйста, не трогайте никого. Мы можем помочь вам. А всем нашим слушателям напоминаю: с вами радиостанция «КБУР». «Жребий брошен...»

Имертон выключил запись.

– Все, – сказал он. – Вот что нам удалось записать на пленку. Мы тут же перекрыли этот звонок, как только поняли, с кем говорит диджей. Но эта часть разговора все-таки просочилась.

На Стилмане лица не было. Он стоял, уставившись на теперь уже немую аппаратуру.

– Черт возьми, что она задумала, Лерой? – обратился к нему Хейдер. – Что это было – попытка привлечь внимание? Она ищет у публики сочувствия?

– Не знаю. Все это очень странно.

– Почему она не разговаривает с нами? Почему звонит на радиостанцию? Мы пытаемся связаться с ней, а она постоянно вешает трубку!

– Она говорит с акцентом. – Стилман взглянул на Хейдера. – Она явно не американка.

– И что значит эта фраза: «Жребий брошен»? Что она хочет этим сказать? Что игра началась?

– Это цитата из Юлия Цезаря, – подсказала Маура.

Все посмотрели на нее.

– Что?

– Эти слова произнес Юлий Цезарь, стоя на берегу Рубикона. Перейдя через реку, он объявил гражданскую войну Риму. Он знал: сделай он этот шаг – и обратной дороги не будет.

– При чем здесь Юлий Цезарь? – удивился Хейдер.

– Я просто рассказываю вам, откуда взялась эта цитата. Когда Цезарь отдавал своим воинам приказ перейти реку, он понимал, что возврата не будет. Это был большой риск, но Цезарь слыл азартным игроком и любил бросать кости. Приняв решение, он произнес: «Жребий брошен». – Маура помолчала и добавила: – И вошел в историю.

– Так вот что значит «перейти Рубикон», – наконец понял Стилман.

Маура кивнула:

– Наша террористка приняла решение. Она дала нам понять, что обратной дороги для нее нет.

– Мы получили информацию по этому сотовому телефону! – раздался возглас Имертона. – Стефания Тэм – одна из докторов медицинского центра. Отделение акушерства и гинекологии. Она не отвечает на звонки, и в последний раз ее видели, когда она направлялась в отделение диагностической визуализации к своей

пациентке. В больнице сейчас проверяют расписание дежурств и наличие персонала, пытаюсь установить, кто может находиться в числе заложников.

– Похоже, одно имя нам уже известно, – заметил Стилман.

– А что с сотовым? Мы пытались дозвониться по нему, но никто не отвечает на наши звонки. Отключить его или оставить?

– Если мы обрубим ей связь, она может разозлиться. Пока пусть телефон работает. А мы просто будем отслеживать ее звонки. – Стилман немного помолчал и, достав носовой платок, промокнул вспотевший лоб. – По крайней мере, она начала общаться, только вот не с нами.

«Я уже задыхаюсь, – подумала Маура, глядя на распаренное лицо Стилмана. – А день обещает быть еще горячее». Она вдруг почувствовала, что ее качает, и поняла: ей нельзя оставаться здесь ни минуты.

– Мне нужно на воздух, – произнесла Маура. – Могу я уйти?

Стилман окинул ее рассеянным взглядом:

– Да. Да, идите. Пойдите... у нас есть ваш контактный телефон?

– У капитана Хейдера есть и домашний, и сотовый номера. Можете звонить в любое время.

Она вышла на улицу и остановилась, зажмурившись от яркого послеполуденного солнца. Затуманенным взглядом окинула Олбани-стрит. По этой улице она каждый день подъезжала к работе, и все здесь было до боли знакомо. Но сегодня на Олбани-стрит царил хаос; она превратилась в бурлящее море полицейских патрулей и больше напоминала место боевых учений. Все ждали следующего шага со стороны женщины, ступившей на тропу войны. Женщины, личность которой до сих пор оставалась загадкой для всех.

Маура направилась к своему офису, пробираясь среди припаркованных полицейских машин. Нырнула под ленту оцепления и, выпрямившись, заметила знакомую фигуру, двигавшуюся ей навстречу. Вот уже два года она была знакома с Габриэлем Дином и никогда еще не видела его таким взволнованным. Он редко

поддавался эмоциям. Но сейчас по выражению его лица можно было сказать, что он в дикой панике.

– Какие-нибудь имена уже известны? – спросил он.

– Имена? – переспросила Маура, в недоумении покачав головой.

– Имена заложников. Кто в здании?

– Пока я слышала только одно имя. Доктора.

– Какого?

Она замолчала, удивленная его бурной реакцией.

– Доктор Тэм. С ее сотового звонили на радиостанцию.

Дин повернулся и взглянул на больницу:

– О господи!

– А в чем дело?

– Я не могу найти Джейн. Ее нет среди пациентов, эвакуированных с этажа.

– Когда она попала в больницу?

– Сегодня утром, после того как у нее отошли воды. – Габриэль посмотрел на Мауру. – Ее принимала доктор Тэм.

Маура уставилась на него, вдруг вспомнив то, что слышала в трейлере. Доктора Тэм в последний раз видели, когда она направлялась в отделение диагностической визуализации к своей пациентке.

«Джейн. Доктор как раз спускалась к Джейн».

– Думаю, вам лучше пойти со мной, – сказала Маура.

8

«Я приезжаю в больницу рожать. Кажется, вместо ребенка я получу пулю в голову».

Джейн сидела на диване, зажатая между доктором Тэм с одной стороны и чернокожим санитаром с другой. Она чувствовала, как он дрожит, а его кожа в этом помещении с кондиционированным воздухом была холодной и влажной. Доктор Тэм казалась совершенно спокойной, ее лицо напоминало каменную маску. На другом диване съежилась администратор, а рядом с ней тихо плакала медсестра. Никто не смел вымолвить ни слова; единственным источником звука был работающий телевизор. Джейн огляделась, изучая именные таблички на халатах медперсонала. «Мак». «Доменика». «Гленна». «Доктор Тэм». Потом посмотрела на больничный браслет, болтавшийся у нее на запястье. «Лицо Джейн». «Как мы все хорошо подготовлены для морга. Никаких проблем с установлением личности». Она представила, как завтра утром жители Бостона раскроют свои газеты и увидят те же имена, набранные жирным шрифтом на первой странице: «Жертвы захвата заложников в больнице». Читатели скользнут взглядом по имени «Лицо Джейн» и тут же устремятся к страничке спортивных новостей.

Неужели так все и закончится? По глупости. Просто потому, что оказалась не в том месте и не в то время. «Эй, стойте! – захотелось ей крикнуть. – Я беременная! В кино никто не стреляет в беременных заложников!»

Но это не кино, и она не может предугадать, что выкинет эта сумасшедшая с пистолетом. Так Джейн мысленно окрестила ее: Сумасшедшая. А как еще можно назвать женщину, которая расхаживает взад-вперед, размахивая пистолетом? Лишь иногда женщина останавливалась, вглядываясь в экран телевизора, настроенного на Шестой канал. Там шел прямой репортаж с места

событий. «Смотри, мама, я тоже попала в ящик, – подумала Джейн. – Одна из счастливых, оказавшихся в заложниках. Похоже на реалити-шоу „Остаться в живых“, только с пулями.

И настоящей кровью».

Она заметила, что на руке Сумасшедшей болтается такой же браслет, как у нее. Может, сбежала из психиатрического отделения? Попробуй заставь такую послушно сидеть в инвалидной коляске. Женщина была босой, а под больничной сорочкой выделялась ее округлая попка. У нее были длинные ноги, мускулистые бедра и роскошная грива черных волос. Одень ее в сексуальный кожаный прикид, и будет вылитая Зена – Королева воинов.

– Я хочу писать, – заныл господин Бодин.

Сумасшедшая даже не удостоила его взглядом.

– Эй! Кто-нибудь слышит меня? Я же сказал, что хочу писать!

«О господи, ну и писай себе, старикан, – подумала Риццоли. – Прямо в кресло. Не раздражай того, кто вооружен».

На телеэкране появилась блондинка-журналистка. Зоя Фосси вела репортаж с Олбани-стрит.

– До сих пор нам неизвестно, сколько заложников находится в больнице. Полиция оцепила все здание. К настоящему моменту известно об одной жертве, это охранник, которого застрелили, когда он пытался связать пациентку...

Сумасшедшая остановилась, уставившись на экран. Одной ногой она наступила на медицинскую карту, валявшуюся на полу. Только тогда Джейн обратила внимание на имя, выведенное на титульном листе:

«Риццоли Джейн».

Репортаж окончился, и Сумасшедшая возобновила свое хождение по комнате, периодически наступая на медицинскую карту. Это была карта Джейн; возможно, доктор Тэм взяла ее с собой, направляясь в диагностическое отделение. Сейчас ее безжалостно топтали босые ноги Сумасшедшей. Ей достаточно было нагнуться, поднять карту и, перевернув первую страницу, прочитать информацию о пациентке.

Имя, дату рождения, семейное положение, номер страхового полиса.

И род занятий. «Детектив. Отдел по расследованию убийств. Бостонское управление полиции».

«Здание блокировано спецподразделением бостонской полиции, – подумала Джейн. – Когда она узнает, что я тоже коп...»

Ей не хотелось развивать эту мысль, она понимала, куда заведут логические рассуждения. Она вновь посмотрела на свою руку, на именную браслет пациента: «Лицо Джейн». Если бы удалось незаметно снять его, засунуть между подушками дивана, тогда Сумасшедшая не узнает, с кем имеет дело. Да, пожалуй, стоит избавиться от опасного браслета. Тогда она станет обыкновенной беременной пациенткой. Не полисменшей, не источником угрозы.

Она просунула палец под браслет и потянула, но безрезультатно. Она потянула сильнее, но браслет отказывался покидать запястье. Из чего он сделан, черт возьми? Из титана, что ли? Ну да, разумеется, он должен быть прочным. Иначе такие стариканы, как господин Бодин, начнут безмянными свободно расхаживать по коридорам. Стиснув зубы, она вновь уперлась пальцем в непокорный пластик. Придется, наверное, грызть, подумала она. Когда Сумасшедшая отвернется, можно будет...

Джейн замерла. Женщина стояла прямо напротив нее, и босая нога вновь оказалась на медицинской карте Лицо. Джейн медленно подняла голову и посмотрела в лицо женщины. До сих пор она избегала смотреть на нее, боялась привлечь к себе внимание. Теперь, к своему ужасу, она видела, что женщина сосредоточилась на ней, только на ней, – и вдруг ощутила себя одинокой газелью, которую хищник избрал своей добычей. Женщина и в самом деле была похожа на пантеру – длинноногая и грациозная, с черными волосами, блестящими, как шкура пантеры. Ее голубые глаза горели как два прожектора, и Джейн оказалась словно бы в круге света.

– Вот что они делают, – сказала женщина, разглядывая бирку Джейн. – Вешают на вас ярлыки. Как в концлагере. – Она показала

свой браслет, на котором значилось имя: «Доу Джейн». «Как оригинально тебя назвали, – подумала Джейн, и ей захотелось рассмеяться. – Меня захватила в заложники Джейн Доу. Джейн против Джейн. Настоящая против вымышленной. Разве в больнице не знали, кого принимают?» Судя по нескольким произнесенным фразам, женщина была явно не американкой. Похоже, из Восточной Европы. Возможно, русская.

Женщина сорвала со своей руки браслет и швырнула его в сторону. Потом схватила руку Джейн и резко дернула браслет. Он разорвался.

– Вот так. Больше никаких ярлыков, – произнесла она. И взглянула на браслет Джейн. – Риццоли. Итальянская фамилия.

– Да. – Джейн не спускала глаз с лица женщины, избегая смотреть на медицинскую карту. Незнакомка восприняла ее прямой взгляд как знак некоего союза между ними. До сих пор Сумасшедшая не обмолвилась и словом ни с кем из них. Теперь она заговорила.

«Это хорошо, – подумала Джейн. – Уже какая-то попытка разговора. Постарайся установить с ней контакт, наладить отношения. Стань ее другом. Она ведь не убьет друга, правда?»

Женщина посмотрела на огромный живот Джейн.

– У меня первый ребенок, – пояснила Риццоли.

Женщина взглянула на настенные часы. Она чего-то ждала. Считала минуты.

Джейн решила завязать разговор.

– Как... как вас зовут? – рискнула спросить она.

– А что?

– Просто хотела узнать. – «Хотя бы чтоб перестать называть тебя Сумасшедшей».

– Какая разница, как меня зовут. Я уже покойница. – Женщина взглянула на Риццоли. – Как и вы.

Джейн посмотрела в горящие глаза незнакомки, и ей вдруг стало страшно. «Что, если это правда? Что, если мы и впрямь уже покойники и все это происходит в аду?»

– Пожалуйста, – пробормотала администратор. – Пожалуйста, отпустите нас. Зачем мы вам? Просто откройте дверь, и мы выйдем.

Женщина вновь принялась расхаживать взад-вперед, периодически наступая на медицинскую карту.

– Думаете, они оставят вас в живых? После того как вы были со мной? Все, кто рядом со мной, умирают.

– О чем она говорит? – прошептала доктор Тэм.

«Да у нее паранойя, – подумала Джейн. – Мания преследования».

Женщина вдруг остановилась и устремила взгляд на медицинскую карту, валявшуюся у нее под ногами.

«Не открывай. Пожалуйста, не открывай ее».

Женщина подняла с пола карту и принялась разглядывать обложку.

«Отвлеки ее сейчас же!»

– Простите, – начала Джейн, – мне действительно... очень нужно в туалет. Понимаете, беременность... – Она показала на дверь туалета. – Пожалуйста, можно мне выйти?

Женщина швырнула карту на журнальный столик, так что Джейн уже было не дотянуться до нее.

– Только дверь не запирайте.

– Не буду. Обещаю.

– Идите.

Доктор Тэм тронула Джейн за руку:

– Вам помочь? Хотите, я пойду с вами?

– Нет. Все нормально, – ответила Джейн и неуверенно поднялась с дивана. Ей ужасно хотелось прихватить со столика свою карту, но Сумасшедшая не спускала с нее глаз.

Она прошла в туалет, включила свет и закрыла дверь. Испытала внезапное облегчение от того, что оказалась одна и не под дулом пистолета.

«А можно ведь запереть дверь. И остаться здесь, дожидаться, когда все это кончится».

Но она подумала о докторе Тэм, санитаре, Гленне и Доменике, оставшихся в комнате. «Если я разозлю Сумасшедшую, им достанется. А я буду малодушной, если стану прятаться за закрытой дверью».

Она сходила в туалет и вымыла руки. Сделала несколько глотков воды, поскольку не знала, когда еще представится возможность попить. Вытирая мокрый подбородок, она оглядела туалетную комнату в поисках предмета, который можно было бы использовать в качестве оружия, но не увидела ничего, кроме бумажных полотенец, мыльного дозатора и мусорной корзины из нержавеющей стали.

Дверь вдруг распахнулась. Она обернулась и встретилась взглядом с Сумасшедшей. «Она не доверяет мне. Конечно, не доверяет».

– Я закончила, – сказала Джейн. – Выхожу. – Она покинула туалетную комнату и вернулась к дивану. Краем глаза она заметила, что ее карта все еще лежит на журнальном столике.

– Чего мы ждем? – поинтересовалась Джейн.

Женщина в упор посмотрела на нее. И произнесла спокойно:

– Конца.

Джейн содрогнулась. И в то же время почувствовала, как напрягся ее живот, словно пальцы в кулаке. Она задержала дыхание, когда схватка стала болезненной и на лбу выступила испарина. Пять секунд. Десять. Боль медленно отступила, и она откинулась на спинку дивана, задышала глубже.

Доктор Тэм нахмурилась:

– Вам плохо?

Джейн сглотнула:

– Кажется, я рожаяю.

– Там полицейский? – переспросил капитан Хейдер.

– Эта информация ни в коем случае не должна просочиться, – сказал Габриэль. – Никто не должен знать ее профессию. Если преступница узнает, что среди заложников есть коп... – Габриэль

глубоко вздохнул и тихо произнес: – Короче, прессе ни слова. Это все.

Лерой Стилман кивнул.

– Мы этого не допустим. После того, что случилось с охранником... – Он замолчал. – Нужно держать это в строжайшей тайне.

– То, что там полицейский, нам на пользу, – заметил Хейдер.

– Простите? – Маура была изумлена, что Хейдер посмел заявить такое в присутствии Габриэля.

– У детектива Риццоли есть голова на плечах. И она умеет обращаться с оружием. От нее во многом зависит исход этой операции.

– Ко всему прочему, она на девятом месяце беременности и должна родить с минуты на минуту. Каких действий вы от нее ждете?

– Я просто хочу сказать, что у нее есть инстинкт полицейского. А это уже хорошо.

– Сейчас я хочу, чтобы моя жена следовала только одному инстинкту – инстинкту самосохранения, – возразил Габриэль. – Мне нужно получить ее живой и невредимой. Так что не рассчитывайте на ее геройство. Лучше думайте, как вызволить ее оттуда, черт возьми!

– Мы сделаем все возможное, чтобы обезопасить вашу жену, агент Дин, – заверил его Стилман. – Обещаю вам.

– Кто эта женщина?

– Мы все еще пытаемся установить ее личность.

– Чего она хочет?

– Может быть, агент Дин и доктор Айлз покинут трейлер и дадут нам возможность спокойно работать? – вмешался Хейдер.

– Нет, пусть остаются, – возразил Стилман. – Ему нужно знать, что происходит. Это естественно. – Он взглянул на Габриэля. – Сейчас мы пытаемся тянуть время, чтобы дать ей возможность успокоиться и вступить в переговоры. Пока никто не пострадал, можно подождать.

Габриэль кивнул:

– Все правильно. Никаких штурмов, никаких выстрелов. Они все должны остаться в живых.

– Капитан, у нас есть список! – воскликнул Имертон. – Имена до сих пор не обнаруженных сотрудников и пациентов.

Стилман выхватил из принтера страницу и пробежал глазами список.

– Она там? – спросил Габриэль.

После паузы Стилман кивнул.

– Боюсь, что да. – Он протянул список Хейдеру. – Шесть имен. Эту же цифру назвала преступница, когда звонила на радио. Она сказала, что у нее шестеро заложников. – Он не решился произнести то, что прозвучало вслед за этим: «И пуль хватит на всех».

– Кто видел этот список? – спросил Габриэль.

– Администратор больницы, – ответил Хейдер. – И тот, кто помогал составлять его.

– Прежде чем его увидит кто-нибудь еще, вычеркните мою жену.

– Это просто имена. Никто не знает...

– Любой репортер за десять секунд выяснит, что Джейн служит в полиции.

– Он прав, – подтвердила Маура. – Все репортеры криминальной хроники знают это имя.

– Убери ее имя из списка, Марк, – попросил Стилман. – Пока его никто не увидел.

– А как же наши ребята из группы захвата? Если они ворвутся внутрь, им нужно знать, кто там находится. Сколько людей спасти.

– Если вы хорошо поработаете, – заметил Габриэль, – никакой группы захвата не потребуется. Нужно уговорить эту женщину выйти.

– Пока нам не слишком-то везет по части переговоров, верно? – Хейдер взглянул на Стилмана. – Наша девушка отказывается даже здороваться.

– Прошло всего лишь три часа, – сказал Стилман. – Нужно дать ей время.

– А что будет через шесть часов? Через двенадцать? – Хейдер перевел взгляд на Габриэля. – Ваша жена может родить в любую минуту.

– Думаете, я забыл об этом? – огрызнулся Габриэль. – Там не только моя жена, но и ребенок. Возможно, рядом с ними доктор Тэм, но, если роды будут сложными, у них ведь нет ни оборудования, ни операционной. Да, я хочу, чтобы все это закончилось как можно скорее. Но если вы собираетесь устроить кровавую баню, тогда лучше не торопиться.

– Все будет зависеть от нее. Только она может решить, что будет дальше.

– Тогда не заставляйте ее действовать раньше, чем она хочет. У вас есть переговорщик. Используйте его. И держите свою группу захвата как можно дальше от моей жены. – Габриэль развернулся и вышел из трейлера.

Маура догнала его уже возле дверей больницы. Ей пришлось дважды окликнуть его, прежде чем он наконец остановился и обернулся.

– Если они напортачат, – сказал он, – если ворвутся туда слишком рано...

– Вы же слышали, что сказал Стилман. Он хочет действовать медленно и осторожно, так же, как вы.

Габриэль уставился на трио спецназовцев, стоявших у входа в больницу.

– Посмотрите на этих ребят. Они уже рвутся в бой. Я знаю, что это такое, сам участвовал в таких операциях. Знаю, как это мучительно – ждать, пока тянутся переговоры. Они просто хотят быстрее сделать свое дело, то, чему они обучены. Им не терпится нажать на спусковой крючок.

– Стилман думает, что ему удастся выманить ее.

Габриэль посмотрел на Мауру:

– Вы были с этой женщиной. Станет ли она его слушать?

– Не знаю. По правде говоря, нам о ней ничего не известно.

– Я слышал, спасатели вытащили ее из воды. И привезли в морг.

Маура кивнула:

– По всем признакам это утопленница. Ее вытащили из залива Хингем.

– Кто нашел ее?

– Какие-то ребята из уэймаутского яхт-клуба. Бостонские копы уже работают по этому делу.

– Но они не знают про Джейн.

– Пока нет. – «Для них это важно, – подумала Маура, – знать, что одна из заложниц служит в полиции. Если нужно спасти своих, это меняет дело».

– Что это за яхт-клуб? – спросил Габриэль.

9

Мила

На окнах решетки. Сегодня с утра мороз, и стекло затянуто хрустальной паутиной. За окном деревья, много деревьев, и я понятия не имею, что скрывается за ними. Я знаю только эту комнату и этот дом, который стал нашей вселенной с той самой ночи, когда нас привезли сюда в том фургоне. За окном на солнце мерцает иней. Это красивый лес, и я представляю себе, что гуляю среди деревьев. Под ногами хрустят листья, искрятся обледеневшие ветки. Прохладно и чисто, как в раю.

А в этом доме ад.

Я вижу, какой след он оставил на лицах девушек, которые сейчас спят на грязных койках. Я слышу муку в их беспокойных стогах, жалобных всхлипах. Нас в этой комнате шестеро. Алена здесь дольше всех, и на ее щеке безобразный синяк – сувенир, оставленный клиентом-садистом. Однако Алена иногда все-таки оказывает сопротивление. Она единственная из нас, кто это делает, единственная, кого им не удастся сломить, несмотря на наркотики и прочие инъекции. Несмотря на побои.

Я слышу, как во двор заезжает машина, и с ужасом жду, что раздастся звонок в дверь. Это как удар током. Девочки разом просыпаются от этого звука и вскакивают, прижимая к груди одеяла. Мы знаем, что будет дальше. Поворачивается ключ в замке, и дверь в комнату распахивается.

На пороге появляется Мамаша, похожая на жирную повариху, которая отбирает овцу на заклание. Она, как всегда, хладнокровно оглядывает свое стадо, и ее изъеденное оспинами лицо не выражает никаких эмоций. Ее взгляд скользит по девушкам, а потом перескакивает к окну, где стою я.

– Ты, – говорит она по-русски. – Им хочется новенькую.

Я смотрю на девушек. Но вижу в их глазах лишь облегчение оттого, что на этот раз не они выбраны жертвами.

– Чего ты ждешь? – спрашивает Мамаша.

У меня холодеют руки, и я чувствую, как к горлу подступает тошнота.

– Я... мне что-то нездоровится. И у меня там еще не зажили раны...

– Всего неделю здесь, и уже все болит? – Мамаша фыркает. – Ничего, привыкнешь.

Девушки смотрят в пол или на свои руки, но только не на меня. Они избегают моего взгляда. Только Алена глядит на меня, и в ее глазах я вижу жалость.

Я робко плетусь следом за Мамашей. Я уже знаю, что сопротивление наказуемо, а у меня еще не зажили синяки с прошлого раза, когда я пыталась дать отпор. Мамаша указывает мне на комнату в дальнем конце коридора.

– Там на кровати платье. Надень его.

Я захожу в комнату, и Мамаша закрывает за мной дверь. Окно выходит прямо во двор, где стоит голубая машина. На этом окне тоже решетки. Я смотрю на широкую медную кровать и вижу перед собой не предмет мебели, а приспособление для пыток. Я беру платье. Оно белое, как будто кукольное, с кружевной оборкой. Я сразу понимаю, что это значит, и тошнота усиливается от страха. Когда тебя просят играть ребенка, предупреждала меня Алена, это значит, что от тебя ждут испуга. Им нужно, чтобы ты кричала. А лучше всего, если ты будешь истекать кровью.

Я не хочу надевать это платье, но боюсь ослушаться. Когда за дверью раздается звук приближающихся шагов, я уже одета и готова к испытанию. Открывается дверь, и заходят двое мужчин. Некоторое время они оглядывают меня, и я надеюсь на их разочарование. Надеюсь, они решат: я слишком худа или некрасива, развернутся и уйдут. Но они закрывают за собой дверь и надвигаются на меня, словно голодные волки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

СМЕРТНИЦЫ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post